

МИЛА СЕВЕРИНА

ЛЕКАРКА
ГЕНЕРАЛА-ДРАКОНА.
МОР В СТОЛИЦЕ

Мила Северина

**Лекарка генерала-
дракона. Мор в столице**

«Автор»

2026

Северина М.

Лекарка генерала-дракона. Мор в столице / М. Северина —
«Автор», 2026

Я хирург. Я вытащила генерала-дракона с того света и осталась его женой — уже по своей воле. Теперь король зовёт нас в столицу: в Лирне люди кричат «горю!», а кожа у них ледяная. Целители бессильны, Магистериум заковывает больных в кандалы как одержимых. В столице меня ждут не с цветами. Для двора я самозванка. Для Магистериума — подменыш из-за Грани. Королевский советник, который уже пытался убить моего мужа, вежливо улыбается мне на балу. А бывшая невеста генерала напоминает, что он женился на чужом теле. Город ищет, кого сжечь. Разгадка лежит прямо на столе, и я должна найти её раньше, чем вспыхнут факелы. Вторая книга серии «Лекарка с того света». Попаданка, истинная пара, драконы, медицинский детектив и дворцовые интриги. Счастливый финал.

© Северина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дешёвый хлеб	5
Глава 1. Летим вместе	9
Глава 2. Звёздный дворец	16
Глава 3. Меченые двери	23
Глава 4. Дом Тишины	30
Глава 5. Карта огня	38
Глава 6. Чёрные рожки	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мила Северина

Лекарка генерала-дракона. Мор в столице

Пролог. Дешёвый хлеб

Хлеб в ту зиму стал дешёвым.

Ника запомнила день, когда это случилось. Было самое начало зимы, ещё до первого льда на Тихой. Она стояла в очереди у пекарни Фома на краю Мучного ряда, переминаясь босыми ногами на мёрзлой грязи, и сжимала в кулаке медяк. Медяка обычно хватало на четверть ржаного каравая. Если Фома был в духе — на треть.

А в тот день Фома, огромный, красный от печного жара, с мукой в бороде, взял у неё медяк и отломил половину каравая. Целую половину. Тёплую, тяжёлую, с хрустящей коркой.

— Бери, бери, — сказал он, увидев её лицо. — Хлебная палата цену сбросила. Говорят, зерно в житнице подмокло. Ничего, рожь как рожь. Пропеклась — и ладно.

Ника прижала хлеб к груди и побежала домой так быстро, что поскользнулась на углу и чуть не упала в сточную канаву. Хлеб она не уронила. Хлеб она не уронила бы никогда.

* * *

Они жили в Котловине. В самом низу Нижнего города, там, где улицы сбегали к реке так круто, что зимой по ним можно было съехать на заднице до самых Пристаней. Дома здесь лепились друг к другу, как ласточкины гнёзда. Деревянные, кривые, с крышами, которые подпирали жердями. Весной Котловину заливало, летом в ней стояла вонь, а зимой в щели между брёвнами задувал ветер с реки.

Их угол был в подвале дома красильщика. Одна комната, одно окошко под потолком, одна лежанка на двоих, одна печка, которую топили через день. И бадьи. Много бадей, потому что мама была прачкой. Она стирала для Верхнего города. Для знатных домов, где носили тонкие рубашки, кружевные воротники и шёлковые чулки. Каждое утро мама уходила наверх с пустой корзиной и возвращалась с полной. А потом до ночи стояла над бадьями, и руки у неё были красные, распухшие, в трещинах.

Ника помогала. Таскала воду, развешивала, гладила тяжёлым чугунным утюгом. Ей было десять лет, и она умела гладить кружевной воротник так, что ни одна складочка не помнётся.

А ещё Ника ходила обедать к матушке Ветле.

Приют Тёплого Очага стоял на краю Котловины, у старой храмовой стены. Там жили сироты, и там очажницы, женщины в рыжих платках, кормили детей. Своих и чужих. Всех, кто приходил к полудню и мог прочесть короткую молитву Пламени. Ника могла. Она прочла бы и длинную, если бы за это давали больше каши.

Каша у матушки Ветлы была пшённая, на воде, но горячая. И хлеб к ней свой, храмовый, пшеничный, серый. Очажницы пекли его сами, в большой печи за трапезной, из зерна, которое привозили с храмовых земель. Матушка Ветла говорила, что хлеб, испечённый с молитвой, сытнее. Ника не знала, правда ли это. Но после обеда в приюте она до вечера не хотела есть.

Поэтому вечером она говорила маме:

— Ешь сама. Я у матушки Ветлы наелась.

И мама ела. Ника смотрела, как она отламывает от дешёвого ржаного каравая кусок за куском, и радовалась. Мама за зиму совсем исхудала. Пусть ест.

* * *

К середине зимы мама начала жаловаться на руки.

— Мурашки, — говорила она, растирая пальцы. — Будто муравьи под кожей бегают. От воды, наверное. Вода нынче злая.

Потом стала жаловаться на ноги. Что мёрзнут. Даже у печки. Даже под двумя одеялами. Ника ложилась ей в ноги и грела их своим животом, как котёнок. Мамины ступни были холодные, как камни на речном берегу.

А потом пришла та ночь.

Ника проснулась от крика.

Мама сидела на лежанке. В темноте. Глаза у неё были открыты и смотрели в стену. И она кричала.

— Горю! Ника, я горю! Пламя! Светлые силы, пламя!

Ника вскочила. Нашарила огниво, высекла искру, зажгла плошку с жиром. Дрожащий огонёк осветил подвал. Бадьи. Верёвки с бельём. Маму.

Мама не горела. Не было никакого огня. Мама сидела на лежанке в одной рубашке, вцепившись руками в свои ноги, и раскачивалась взад-вперёд.

— Мама! Мама, тут нет огня! Мама!

Ника схватила её за руки.

И отдёргнула свои.

Мамины руки были ледяные. Совсем. Как будто она только что вынула их из проруби. А мама кричала, что горит.

— Стены, — шептала мама. Она смотрела мимо Ники. На бельё на верёвках. На серые простыни, которые колыхались от сквозняка. — Ника, смотри, стены горят. И там люди. В огне. Они идут ко мне. Они меня зовут...

— Там нет людей, мама! Это бельё! Это простыни!

Мама вдруг выгнулась. Вся, дугой, как натянутый лук. Голова запрокинулась, руки свело, пальцы скрючились. Из рта вырвался хрип. Её тело билось на лежанке, и лежанка скрипела, и плошка с жиром опрокинулась, и стало темно.

Ника закричала.

* * *

Соседи пришли не сразу. Сначала постучала тётка Груня сверху, жена красильщика, в ночной рубахе, со свечой. Посмотрела на маму, которая уже не билась, а лежала, тяжело и хрипло дыша, с пеной в уголках губ. Попятилась.

— Огненная, — прошептала тётка Груня. — Огненная корча. Как у Вершининых. Как у сапожника с угла.

— Что? — Ника не понимала. — Тётя Груня, помогите! Позовите лекаря!

— Какого лекаря, глупая? — Тётка Груня уже отступала к двери, загоразивая лицо ладонью, как от дурного глаза. — Лекари в Котловину не ходят. А от огненной корчи лекарь не поможет. Это не болезнь. Это Грань. Магистериум говорит: души оттуда лезут. В тех, кто послабее. Вселяются.

— Мама не слабая!

Тётка Груня не ответила. Она ушла. И Ника услышала, как наверху хлопнула дверь, как загремел засов.

Ника осталась одна с мамой.

Она сидела рядом до утра. Держала мамины ледяные руки в своих, дула на них, растирала. Мама то затихала, то снова начинала шептать про огонь и людей в огне. Один раз открыла глаза и посмотрела на Нику. Ясно, узнавая.

— Ника, — сказала она тихо. — Доченька. Не ешь хлеб. Не ешь...

И снова провалилась в бред.

Ника не поняла, при чём тут хлеб. Она подумала, что мама бредит.

* * *

Серые плащи пришли на рассвете.

Сначала Ника услышала стук копыт и скрип колёс по мёрзлой грязи. Потом голоса. Потом шаги на лестнице. Тяжёлые, мерные, много шагов. Она выглянула в окошко под потолком и увидела ноги. Сапоги. Серые подола плащей. И колёса крытой телеги, тоже выкрашенной в серое.

Кто-то донёс. Тётка Груня. Или красильщик. Или кто-то ещё. Неважно.

Дверь распахнулась без стука.

Их было трое. Двое — стражники в серых плащах Магистериума, с дубинками на поясах. А третий — маг. Ника поняла это сразу. У него был другой плащ: длинный, до пят, тоже серый, но с вышитым на груди серебряным глазом в круге. Лицо у мага было молодое, гладкое и совершенно пустое. Как у человека, который делает это каждый день и устал.

— Огненная корча, — сказал маг, посмотрев на маму с порога. Даже не подходя. — Одержимость. Берите.

— Нет! — Ника встала между ними и лежанкой. Раскинула руки. — Не трогайте! Она не одержимая! Она просто больная! Ей холодно!

Маг посмотрел на неё сверху вниз. Без злости. Без жалости. Как смотрят на кошку, которая путается под ногами.

— Девочка, — сказал он. — В твою мать вошло то, что пришло из-за Грани. Оно будет жечь её изнутри, пока не сожжёт. Или пока не перекинется на тебя. В Доме Тишины за ней присмотрят.

— Вы её убьёте!

— Мы её очистим, — сказал маг. — Отойди.

Один из стражников шагнул вперёд и легко, будто пушинку, отодвинул Нику в сторону. Она вцепилась ему в руку зубами. Он охнул, выругался и отшвырнул её. Ника ударилась спиной о бадью, и бадья опрокинулась, и вода с мыльной пеной разлилась по полу.

Когда она поднялась, маму уже несли к двери. На руках, как мешок. А на мамины запястья маг надевал браслеты. Чёрные, матовые, без блеска. Ника никогда не видела такого камня. Он был чернее сажи, чернее ночи в подвале.

Мама не сопротивлялась. Она только шептала что-то про огонь.

Перед уходом маг достал из сумки на поясе кусок мела и нарисовал на двери их подвала знак. Круг. А в круге — глаз.

* * *

Ника бежала за серой телегой до самой реки.

Телега ехала медленно, переваливаясь на ухабах, и Ника не отставала. Она бежала по мёрзлым улицам Котловины, мимо домов, на дверях которых белели такие же круги с глазами. Много кругов. Гораздо больше, чем она думала. На каждой второй двери в Мучном ряду. На каждой третьей на улице Литейщиков.

Люди выглядывали из окон и тут же прятались. Никто не вышел. Никто ничего не сказал.

У реки телега свернула к Дому Тишины.

Ника знала этот дом. Все в Котловине знали. Старая тюрьма Магистериума, серая, приземистая, с крохотными окнами за решётками. Её построили прямо на берегу, и весной вода подступала к самым стенам. Отсюда, говорили, увозили на Серый остров. Туда, откуда не возвращаются.

Ворота открылись. Телега въехала. Ворота закрылись.

Ника стояла на берегу, тяжело дыша. Босые ноги онемели от холода. Ей было всё равно.

А над рекой, чуть ниже по течению, на песчаной косе, поднимался дым. Густой, жирный, чёрный. Там горели костры. Не один. Много. Ника знала, что это. Мёртвых в Лирне всегда отдавали Пламени. Но раньше костёр складывали один, на всю неделю, у храма. А теперь их было пять. Шесть. Семь.

Она стояла и смотрела на дым, пока не перестала чувствовать ноги.

* * *

Через месяц в Котловине заговорили о драконе.

Ника слышала это на Мучном ряду, у пекарни Фомы. Пекарня была открыта, и очередь за дешёвым хлебом тянулась до самого угла. Ника в очередь не встала. Хлеб она больше не ела.

Двое мужиков у колодца разговаривали вполголоса.

— Король, говорят, письмо на Север отправил, — сказал один, тощий, в рваном армяке. — Генералу, который дракон. Хальварду.

— На кой нам генерал? — Второй, толстый, сплюнул. — Генералы воюют, а не лечат.

— Не генералу. Жене его. Говорят, у него жена лекарка. Режет людей ножом, как мясник, а они встают. Генерала, говорят, спасла, когда его морвенской стрелой ранили. А потом у себя на Севере мор остановила. Голыми руками. Без всякого дара.

— Брехня.

— Может, и брехня. А только мне брат писал, он в Северной марке на сплаве работает. Говорит, правда. Говорит, у них там целый город от болотной лихорадки вымирал, а она пришла, колодец закрыла, и всё. Как отрезало.

Толстый помолчал.

— А Магистериум что? — спросил он.

— А Магистериум говорит, — тощий понизил голос до шёпота, — что она сама из-за Грани. Подменыш. Её, говорят, Зерцалом проверяли, и Зерцало два отражения показало. Только её дракон за неё вступился. Право Крыла. Магистериум и утёрся.

Толстый присвистнул.

— Так это ж она, выходит, Грань и открыла. Подменыш. Пришла, и мор пошёл.

— Мор пошёл здесь, а она там, на Севере. В неделях пути отсюда.

— А им что неделя, что день. Грань — она и есть Грань.

Ника стояла за колодцем и слушала. Сердце у неё колотилось.

Лекарка. Которая режет людей ножом, и они встают. Которая остановила мор. Которая сама из-за Грани. Которая, может быть, знает, что делать, когда в человека вселяется то, что приходит оттуда.

Или не вселяется. Мама ведь сказала: «Не ешь хлеб». Мама узнала её. Ясно, по-настоящему. Значит, мама была там, внутри. Не кто-то чужой. Мама.

Ника подняла голову. Над крышами Мучного ряда, над дымом, над шпилем Серой иглы небо было низкое, серое, весеннее. Где-то там, на севере, за реками и лесами, в неделях пути, жил дракон. И его жена-лекарка.

— Прилетай, — сказала Ника небу. Шёпотом. Чтобы никто не услышал. — Пожалуйста. Прилетай скорее.

Небо не ответило.

Но где-то далеко, за горизонтом, над северными лесами, в этот самый час чёрный дракон с серебряным гребнем уже поворачивал на юг.

Глава 1. Летим вместе

Первые три часа Лиси молчала.

Это было так на неё не похоже, что я несколько раз оборачивалась, проверить, жива ли она. Лиси сидела за второй пластиной гребня, обхватив её руками и ногами, как обезьянка ветку, прижавшись щекой к тёплой чешуе. Глаза у неё были зажмурены. Губы шевелились. Кажется, она молилась Пламени. Подробно, со всеми именами светлых сил, какие только знала.

— Лиси, — позвала я в очередной раз, перебивая ветер. — Открой глаза.

— Не могу, миледи!

— Можешь. Мы уже над лесом. Тут не страшно. Тут красиво.

— Мне и с закрытыми красиво!

Я засмеялась. Ветер унёс мой смех назад, к горам.

Под нами действительно был лес. Бескрайний, тёмно-зелёный, ещё местами белый от снега в низинах. Он тянулся до самого горизонта, разрезанный серебряными нитками рек. Реки разлились. Весна на Севере короткая и бурная, и вся вода, которая полгода лежала снегом на склонах, сейчас рвалась вниз, на юг. Туда же, куда и мы.

Рейнар летел ровно, низко, на высоте, с которой видно каждую поляну. Я уже научилась чувствовать его полёт. Как он ловит ветер. Как чуть заваливается на левое крыло, когда устаёт: рубец под лопаткой всё ещё напоминал о себе. Как поёт зверь, когда ему хорошо. Сейчас ему было хорошо. Зверь пел под моими ладонями низко и ровно, как большой спокойный колокол.

Я тоже была счастлива. Глупо, по-детски, против всякой логики. Мы летели в город, где люди умирали сотнями. В город, где меня ждали враги. Где каждый второй, наверное, уже знал, что я подменыш. А я сидела на шее у дракона, смотрела на разлившиеся реки и улыбалась.

Потому что он был подо мной. Потому что мы летели вместе.

— Миледи, — сказала вдруг Лиси за моей спиной. Тихо, но я услышала. — Миледи. Я открыла один глаз.

— И как?

Долгая пауза.

— Светлые силы, — прошептала Лиси. — Светлые силы, миледи. Оно же... оно всё такое... маленькое.

— Маленькое, — согласилась я.

— А мы такие большие.

— Это он большой, — сказала я и хлопнула ладонью по чешуе. — Мы так, пассажиры. Зверь под моей ладонью коротко, довольно рыкнул. Мне показалось, что он смеётся.

* * *

Первая стоянка была к полудню.

Совет Крыльев держал их по всему королевству. Старые сторожевые башни, круглые, приземистые, с плоскими каменными крышами, на которые мог опуститься дракон. В каждой башне жил смотритель. Хранил дрова, воду, овёс для лошадей гонцов и мясо для драконов. Рейнар рассказывал, что раньше, при его деде, драконы летали так часто, что смотрители не успевали резать баранов. А теперь на некоторых стоянках дракона не видели годами.

На нашей стоянке смотритель увидел дракона и уронил ведро.

Это был старик, седой, бородатый, в тулупе нараспашку. Он стоял посреди двора у колодца и смотрел вверх, разинув рот, пока Рейнар заходил на круг над башней. Потом спохватился, сорвал шапку и замахал ею, как флагом.

Рейнар опустился на крышу. Плавно, мягко, почти без толчка. Я уже научилась не сжимать колени в этот момент. Лиси ещё нет. Она вскрикнула и вцепилась в гребень так, что, кажется, оставила на нём вмятины.

— Всё, — сказала я. — Приехали. Можешь слезать.

— Я не могу разжать руки, миледи.

— Можешь.

— Они не разжимаются!

Я слезла сама. Ноги, как всегда, были ватными. Потом помогла Лиси. Пальцы у неё действительно свело, и я разжимала их по одному, грея в ладонях, как когда-то отогревала руки обмороженному Сигурду. Лиси сползла с драконьего плеча на крышу и села прямо на камни.

— Миледи, — сказала она очень серьёзно, глядя на меня снизу вверх круглыми глазами. — Это было самое страшное и самое лучшее, что со мной случилось.

— Я знаю, — сказала я. — У меня было так же.

Дракон за нашими спинами вспыхнул золотым светом. Я, не оборачиваясь, протянула руку назад.

— Лиси. Плащ генерала. Он в твоей сумке.

— Ой. Сейчас, миледи.

Лиси подтянула к себе большую дорожную сумку, которую всю дорогу прижимала к животу. Развязала тесёмки. Сунула туда руку.

И замерла.

— Миледи, — сказала она странным голосом. — Миледи, там... там что-то тёплое.

— Это плащ. Он меховой.

— Миледи, оно шевелится.

Я обернулась.

Из сумки, медленно, с достоинством, раздвигая головой тесёмки, вылезал кот. Огромный, серый, взъерошенный, с ключьями тёмного меха на усах. Он выбрался целиком, отряхнулся, сел посреди крыши на виду у всех и принялся вылизывать лапу.

Бублик.

— Ты, — сказала я. — Ты же за главного!

Кот посмотрел на меня жёлтыми глазами. Зевнул. Широко, со вкусом, показав все клыки. И продолжил вылизываться.

— Я не знала, миледи! — Лиси вскочила, красная, как варёная свёкла. — Клянусь Пламенем, не знала! Я сумку собрала с вечера, у кровати поставила, утром взяла, не открывала! Он, наверное, ночью залез! Он же всегда в тёплое лезет! Он...

— Лиси, — сказала я. — Тише. Я верю.

За моей спиной кто-то хмыкнул.

Я обернулась. Рейнар стоял на краю крыши, высокий, голый, совершенно невозмутимый, и смотрел на кота. Лиси пискнула и отвернулась так резко, что чуть не упала.

— Плащ, — сказал Рейнар.

Я вытащила из сумки плащ. Тяжёлый, меховой, тёмно-серый. Весь в кошачьей шерсти. Серой. Густо, равномерно, как будто кот не просто лежал на плаще три часа, а старательно в нём вертелся.

Я протянула плащ мужу. Он посмотрел на шерсть. Потом на кота. Потом надел плащ.

— Он летел три часа в мешке, — сказал Рейнар задумчиво, застёгивая пряжку на плече. — На высоте, в холод, при ветре. И ни разу не подал голоса. Из него вышел бы хороший солдат.

Бублик закончил вылизывать лапу. Встал. Подошёл к Рейнару. Потёрся о его ногу, оставив на плаще ещё немного шерсти. И неторопливо направился к лестнице, ведущей вниз, туда, откуда пахло бараниной.

— Тильда нас убьёт, — сказала я.

— Тильда будет рада, — сказал Рейнар. — Она говорила, что он объедает кухню.

— Ян будет плакать.

— Ян плакал всё утро по тебе. Одной причиной больше, одной меньше.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня. В уголках его губ пряталась улыбка.

— Ты рад, — сказала я.

— Немного, — признал он. — С ним спокойнее. Он чувствует отраву.

* * *

Смотритель стоянки звался Хродгаром. Он накормил нас бараньей похлёбкой, ржаными лепёшками и кислым молоком. Дракону, который снова был моим мужем, полагался целый баран, но баран достался коту. Не весь, конечно. Но Бублик съел столько, сколько, по моим расчётам, не мог вместить ни один кот.

Пока мы ели, Хродгар стоял у очага, мял шапку и смотрел на Рейнара так, будто к нему в башню спустился с неба посланник Пламени.

— Дракона, — сказал он наконец, не выдержав. — Милорд, простите старика. Двенадцать лет дракона не видел. Последний раз лорд Сигвальд пролетал, белый. Я уж думал, помру и не увижу.

— Теперь увидишь чаще, — сказал Рейнар. — Обратно будем через эту стоянку.

— Это... — Хродгар запнулся. — Это правда, милорд? Что в столице мор? Гонец королевский тут проезжал, две недели назад. Говорил, Лирна горит.

Рейнар помолчал.

— Правда, — сказал он.

Хродгар посмотрел на меня. Долгим, внимательным взглядом. На мои руки, на метку на запястьях, которая мерцала в полумраке. Потом снова на Рейнара.

— А миледи, — сказал он тихо. — Миледи та самая? Лекарка?

— Та самая, — сказала я.

Старик вдруг низко поклонился. В пояс. Так, что борода коснулась колен.

— У меня внучка в Лирне, — сказал он, не разгибаясь. — В услужении. В Верхнем городе. Ей пятнадцать. Миледи... если что... если увидите...

— Как её зовут?

— Ольха. Ольха, Хродгарова внучка. В доме суконщика Мельдера, у Звёздной площади.

— Я запомню, — сказала я.

И записала. В тетрадь, здешними буквами, которые за зиму наконец перестали у меня плясать. «Ольха, 15 лет, дом суконщика Мельдера». Первая строчка в лирнской тетради.

* * *

Вечером, на второй стоянке, я сидела у огня с этой тетрадью и писала.

Стоянка была пустая. Смотрителя не было: Рейнар сказал, что умер прошлой осенью, а нового Совет не прислал. Башня стояла в низине у реки, среди голых берёз, холодная, гулая, с закопчёнными стенами и охапкой старых дров в углу. Рейнар развёл огонь. Лиси спала наверху, в каморке под крышей, завернувшись в два одеяла, и Бублик спал у неё в ногах.

А я писала. Всё, что помнила про чуму.

Это было немного. Я хирург, не инфекционист. Последний раз я читала про чуму на пятом курсе, готовясь к экзамену по инфекционным болезням. Помнила картинки из учебника. Помнила лекцию старой профессорши в очках, которая рассказывала про средневековые так, будто сама там побывала.

Палочка. Крошечная, невидимая глазу. Живёт в крысах. Переносится блохами. Блоха кусает крысу, потом человека. У человека через несколько дней — жар, озноб, бубоны. Это опухшие, горячие, страшно болезненные узлы в паху, под мышками, на шее. Иногда бубон прорывается. Иногда человек выживает. Чаще — нет.

А если болезнь уходит в лёгкие, она передаётся уже от человека к человеку. С кашлем. С дыханием. И тогда убивает почти всех. За два-три дня.

«Люди горят в жару три дня». «Чёрные пятна». «Сотни в день».

Чёрные пятна. Так её и звали в Европе. Чёрная смерть. Из-за пятен на коже, из-за почерневших пальцев.

Я записала: крысы. Блохи. Изолировать больных от здоровых. Маски из льна, в несколько слоёв, для всех, кто ходит за больными. Уксус. Кипятить бельё. Жечь солому из-под больных. Мёртвых не держать в домах, сразу на костёр. Найти, откуда пошло. Где больше всего крыс. Пристани? Хлебные склады?

Потом я остановилась и посмотрела на то, что написала.

Ничего из этого не лечит. Всё это только останавливает. Не даёт перекинуться. Но тех, кто уже болен, я спасти не смогу. У меня нет того, что спасает от чумы. В моём мире это лекарство продаётся в любой аптеке за копейки. Маленькие белые таблетки. А здесь...

Здесь у меня есть огневица, дрёмник, толчёный уголь и щипчики для бровей.

— Ты не спишь, — сказал Рейнар.

Он сел рядом со мной у огня. Близко, плечом к плечу. От него пахло дымом и ветром.

— Думаю, — сказала я.

— О чём?

Я помолчала. Потом закрыла тетрадь.

— Рейнар, — сказала я. — Если это то, что я думаю... Я не смогу их вылечить. Тех, кто уже болен. Понимаешь? Не смогу. У нас дома от этого есть лекарство. Здесь его нет. Я не знаю, как его сделать. Это невозможно сделать здесь. Ни за год, ни за десять лет.

Он слушал молча.

— Я могу только остановить, — сказала я. — Чтобы не заболели новые. Закрывать больных отдельно. Выжигать заразу. Учить людей. Но те, кто уже горит... половина из них умрёт, что бы я ни делала. Может, больше. И король, который ждёт чуда... И Магистериум... И Вейлс...

Голос у меня дрогнул. Я замолчала.

Рейнар долго смотрел в огонь.

— В Броде, — сказал он наконец, — ты тоже не всех вылечила.

— Трое умерли.

— А десять лет назад от той же болезни умерло тридцать. Марфа говорила.

— Да.

— Значит, ты спасла двадцать семь. Которые никогда не узнают, что их спасли. — Он повернулся ко мне. В свете огня его глаза были тёмными, с тусклыми золотыми искрами. — Если ты остановишь мор в Лирне, Анна, ты спасёшь не сотни. Тысячи. Тех, кто ещё не заболел. Этого хватит. Этого более чем хватит.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня.

— Ты всегда знаешь, что сказать, — сказала я.

— Нет, — сказал он. — Я никогда не знаю. Я просто говорю правду. Ты к этому не привыкла.

Я засмеялась. Тихо, чтобы не разбудить Лиси. И уткнулась лбом ему в плечо.

* * *

— Расскажи мне про них, — сказала я потом. — Про двор. Я должна знать, к кому лечу.

Огонь прогорел до углей. Мы сидели, завернувшись в один плащ, тот самый, с кошачьей шерстью. Рейнар обнимал меня одной рукой, и его ладонь лежала на моём плече, горячая, тяжёлая.

— Король Эдмар, — начал он. — Ты знаешь. Добрый. Слабый. Любит звёзды. У него во дворце башня со стеклянным куполом и трубами, через которые смотрят на небо. Он может часами рассказывать, как движется какая-нибудь блуждающая звезда, и при этом не помнит, сколько в казне золота. Вдовец. Королева Мирабель умерла четыре года назад, родами. Ребёнок тоже не выжил. У него осталась дочь. Эллия. Семь лет.

Я запомнила.

— Магистериум, — продолжал он. — В Лирне его держит Первый магистр. Ксавер Дрейм. Я видел его один раз, на коронации. Высокий. Голос как у глашатая на площади. Говорит красиво и много. Магистериум при нём стал сильнее, чем при всех прежних. Он с Вейлсом заодно. Они друг другу нужны.

— Гильдия целителей?

— Магистр Ансельм Корн. Старик. Лечил ещё старого короля. Хорвен был его учеником. Любимым.

Я поморщилась.

— А Вейлс? — спросила я.

Рейнар помолчал.

— Вейлс тихий, — сказал он. — Это самое страшное в нём. Он никогда не повышает голоса. Никогда не спорит. Он соглашается. Он улыбается. Он говорит: «Как будет угодно вашему величеству». А потом оказывается, что вышло так, как угодно ему. Я видел, как он разговаривал с королём. Король думает, что решает сам.

— Семья?

— Жена умерла. Давно. Дочь. — Рейнар снова помолчал. Чуть дольше, чем нужно. — Изольда.

Я подняла голову с его плеча.

— И?

— Три года назад, — сказал он ровно, глядя в угли, — Вейлс предложил мне жениться на ней. Хотел породниться с Хальвардами. Привязать к себе Север.

— И?

— Я отказал.

— Почему?

Он пожал плечами. Плечо под моей щекой поднялось и опустилось.

— Не хотел, — сказал он просто. — Зверь спал. Она красивая. Умная. Злая. Мне не нужна была жена при дворе. Мне нужна была война на перевале. Я так ему и сказал.

— Прямо так?

— Прямо так. — Уголок его губ дрогнул. — А прошлой весной король подписал указ о моём браке с дочерью лорда Лейна. Писал указ Вейлс.

Я помолчала, переваривая.

— Значит, Арианну тебе подсунули назло, — сказала я. — Из мести. За то, что ты отказал его дочери.

— Не из мести, — сказал Рейнар. — Вейлс не мстит. Это слишком дорого. Он нашёл другой способ. Если нельзя привязать Север через дочь, можно приставить к нему жену-шпионку. А если не выйдет и это... — Он не договорил.

— Можно убить, — закончила я.

— Можно убить.

Мы помолчали. Где-то за стеной башни шумела разлившаяся река.

— Она будет там? — спросила я. — Изольда? При дворе?

— Будет.

— Она замужем?

— Нет.

Я ничего не сказала. Только снова положила голову ему на плечо. И подумала, что очень глупо ревновать к женщине, которую никогда не видела. Особенно когда ты хирург, тебе тридцать четыре года и у тебя на запястьях серебряная метка, которая проступила в драконьем пламени.

Но я всё равно ревновала. Чуть-чуть. Совсем немного.

Рейнар, кажется, это почувствовал. Потому что его рука на моём плече сжалась. И он сказал, не глядя на меня:

— Анна. Зверь проснулся от тебя. Не от неё. Не от кого-то ещё. От тебя.

— Я знаю, — сказала я.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда спи.

Я не стала спать. Не сразу. Мы ещё долго сидели у погасшего огня, завернувшись в один плащ. А потом...

А потом было то, что бывает между мужем и женой, которые наконец-то одни, в пустой башне посреди весенней ночи, когда за стеной шумит река, а до утра ещё далеко.

Лиси, к счастью, спала очень крепко.

* * *

На третий день мы увидели Лирну.

Сначала я её почувствовала. Раньше, чем увидела. Запах. Мы летели над равниной, над полями, ещё бурыми после зимы, над деревнями с соломенными крышами. Ветер дул с юга. И в какой-то момент к запаху мокрой земли, талого снега и весенней травы примешался другой.

Дым. Тяжёлый, жирный, сладковатый.

Я знала этот запах. Я чувствовала его однажды в своей прежней жизни, в больничном дворе, когда за котельной жгли то, что положено жечь после операций. Кто работает в больнице, тот знает. Этот запах ни с чем не спутаешь.

Зверь подо мной перестал петь.

А потом из-за холмов показался город.

Он был огромный. Больше, чем я ожидала. Он лежал на холмах над широкой серой рекой, как тяжёлое каменное ожерелье. Стены. Башни. Крыши, крыши, крыши, черепичные, рыжие, серые, тысячи крыш, сбегających вниз, к реке. Наверху, на самом высоком холме, белел дворец. Лёгкий, светлый, с тонкими башнями. На одной из них блестел на солнце стеклянный купол. Королевская обсерватория.

А внизу, у реки, там, где крыши становились всё мельче и теснее, где улицы превращались в щели, поднимался дым.

Не один столб. Много. Я начала считать и сбилась на двенадцатом. Они поднимались с песчаной косы ниже города, густые, чёрные, и ветер тянул их над рекой, над крышами, к нам.

— Миледи, — прошептала Лиси за моей спиной. — Это что? Пожар?

— Нет, — сказала я. — Это костры.

— Какие костры?

Я не ответила. Лиси была северянкой. Она знала, что мёртвых отдают Пламени.

Она замолчала.

Рейнар снизился. Пошёл над рекой, над пристанями. Я видела пустые причалы. Лодки, вытасщенные на берег. Рынок у воды: ряды лавок с закрытыми ставнями. Ни одного человека. В городе, где живёт сто тысяч человек, — ни одного человека на рынке в полдень.

Нет. Не ни одного. Вот там, у колодца, двое. Увидели нас, задрали головы. Один упал на колени. Второй побегал, бросив вёдра.

А на дверях домов, на каждой второй, на каждой третьей, белело что-то. Пятна. Круги. С высоты я не могла разглядеть, что это. Но их было много.

Мы пролетели над стеной Нижнего города. Над широкой улицей, где за нами бежали мальчишки, кричали, показывали пальцами. Над серой башней, высокой, узкой, как игла, без единого окна, с серебряным шпилем. Я почувствовала, как под моей ладонью напряглась драконья шея. Зверь не любил эту башню.

Потом пошли сады, белые стены, мраморные лестницы, широкие площади. Верхний город. Здесь были люди. Немного. Они выходили на балконы, смотрели вверх.

Дворец приближался. Белый, лёгкий, весь в башенках, арках, галереях. На западной стороне, над обрывом, выдавалась в воздух широкая каменная терраса. Пустая, огороженная низким парапетом. Драконья площадка.

На ней стояли люди.

Рейнар заложил круг над дворцом. Медленный, широкий, торжественный. Я поняла, что он делает это нарочно. Чтобы видели все. Весь Верхний город. Весь Нижний. Чтобы каждый в Лирне знал: Хальвард прилетел.

А потом опустился на террасу.

Плавно. Мягко. Под крыльями взметнулась пыль. Люди на краю площадки отшатнулись.

Я сидела на его шее и смотрела на них.

Справа стояли королевские стражники в синих плащах с золотыми коронами. Двенадцать человек. Слева — другие. В серых плащах до пят. С серебряными глазами в кругах, вышитыми на груди. Тоже двенадцать.

Посередине, между синими и серыми, стоял коренастый пожилой человек со шрамом на подбородке, в простой куртке, с меховым плащом, перекинутым через руку. Гуннар. Он смотрел на меня и, кажется, улыбался в бороду.

А впереди серых, чуть в стороне от остальных, стоял высокий худой человек. Бритый наголо. С узким бледным лицом и светлыми, почти прозрачными глазами.

Мастер Эльрик Строг.

Он поймал мой взгляд. И медленно, очень серьёзно поклонился. Не так, как кланяются гости. Так, как кланяются тому, кого ждали.

Глава 2. Звёздный дворец

Гуннар подал Рейнару плащ раньше, чем погас золотой свет.

Я заметила это. Старик знал, что делать, и делал это без суеты, без лишних слов. Он шагнул вперёд в тот самый миг, когда дракон начал сжиматься в человека, развернул плащ во всю ширь, как занавес, и накинул на плечи своему лорду. Ни один из синих стражников и ни один из серых даже не успел ничего разглядеть.

— С прибытием, милорд, — сказал Гуннар.

— Спасибо, Гуннар.

— Миледи. — Старик повернулся ко мне и поклонился. Коротко, по-военному. — Рад вас видеть. Зимой, в Хальварде, вы на драконов только с крыльца смотрели.

— Привыкаю, — сказала я.

— Вижу, — сказал Гуннар. И в его глазах под кустистыми бровями мелькнуло что-то. Не насмешка. Одобрение.

Я слезла с драконьего плеча, и на этот раз ноги меня почти держали. Лиси сползла следом, прижимая к груди сумку. Бублик сидел у неё на руках, огромный, как подушка, и обозревал Драконью площадку с видом полководца, принимающего капитуляцию.

Один из синих стражников, молоденький, с пушком на губе, уставился на кота и забыл закрыть рот.

— Миледи Хальвард.

Я обернулась. Строг стоял в трёх шагах от меня. Высокий, худой, весь в сером. Солнце блестело на его бритой голове.

— Мастер Строг, — сказала я.

— Магистериум поручил мне сопровождать вас, пока вы в Лирне, — сказал он. Голос был тихий, ровный, усталый. Такой же, как зимой в Хальварде. — Я сам попросил об этом поручении.

— Сопровождать, — повторила я. — Или следить?

Строг чуть наклонил голову. Совсем чуть-чуть.

— В Магистериуме это одно и то же, миледи, — сказал он. — Но я постараюсь, чтобы для вас это было первое.

Рейнар встал рядом со мной. Плечом к плечу. Я почувствовала, как от него идёт жар. Не человеческий. Драконий.

— Мастер Строг, — сказал он. — Вы помните, что сказали в моём зале?

— Помню, милорд. Право Крыла подтверждено. Магистериум не вправе судить истинную дракона. — Строг перевёл на него прозрачные глаза. — Я помню. Поэтому и попросил это поручение. Другой мог бы забыть.

Рейнар смотрел на него долго. Потом кивнул.

* * *

Звёздный дворец был красивым. Я не ожидала этого. После Хальварда, серого, тяжёлого, сурового, как скала, он казался сделанным из света. Белый мрамор. Высокие окна. Галереи с тонкими колоннами. Потолки, расписанные звёздами: золотые точки на синем, соединённые тонкими серебряными линиями. Созвездия. Я не знала здешних созвездий. Но они были везде. На потолках, на коврах, на дверях, на спинках стульев.

— Король любит звёзды, — сказал Гуннар, заметив мой взгляд. Он шёл рядом со мной, чуть позади Рейнара. — Покойная королева тоже любила. Это она велела расписать всё так. Говорят, он теперь по ночам сидит в своей башне и смотрит в трубу. Один. Как она умерла, так и сидит.

Дворец был пуст. Почти. Мы шли по бесконечным галереям, и навстречу нам попадались только слуги в синих ливреях, которые жались к стенам. Пару раз мимо проплыли придворные дамы в пышных платьях. Все прижимали к носу платочки. От платочков пахло уксусом и чем-то цветочным.

— От дурного воздуха, — пояснил Гуннар вполголоса. — Гильдия велела. Уксус с розовой водой. Говорят, миазмы его боятся.

— Миазмы, — повторила я.

— Так гильдия говорит. Мор, говорят, идёт от реки. От гнилой воды, от тумана. Потому, говорят, в Нижнем городе и мрут. А здесь, наверху, воздух чистый. Потому здесь и не болеют. Я ничего не сказала. Но запомнила. Наверху не болеют. Внизу болеют. Почему?

* * *

Зал Созвездий был круглым.

Огромным, высоким, с куполом, расписанным звёздами так густо, что казалось: стоишь под ночным небом. Посередине — длинный стол тёмного дерева, заваленный картами. Не звёздными. Картами города. Я узнала очертания реки, холмов, стен.

За столом сидели люди.

Король встал, когда мы вошли. Это было первое, что меня поразило. Король встал.

Он был совсем не таким, каким я его представляла. Не старым. Лет сорока пяти, может, чуть больше. Высокий, но сутулый, как человек, который много времени проводит над книгами. Худой. С тонким, интеллигентным лицом, с ранней сединой на висках, с глубокими тенями под глазами. На пальцах правой руки — чернильные пятна. Синий камзол, расшитый серебряными звёздами, висел на нём, как на вешалке.

— Генерал, — сказал король. Голос у него был мягкий, негромкий, с хрипотцой. — Ты прилетел.

— Ваше величество, — сказал Рейнар и опустился на одно колено.

— Встань, встань, — король махнул рукой. — Не время. — Он перевёл взгляд на меня. И я увидела, как его глаза задержались на моём лице. Потом на запястьях. На серебряной метке, которая мерцала под краем рукава. — Леди Хальвард.

Я присела в реверансе. Неуклюже. Зимой Тильда пыталась меня научить, но у меня так и не получилось как следует. Хирург, которому тридцать четыре года, плохо делает реверансы.

А король сделал то, чего я совсем не ожидала. Он поклонился мне. Не глубоко. Чуть-чуть, коротко склонив голову. Но поклонился.

— Благодарю вас, — сказал он тихо. — Благодарю, что прилетели.

За столом кто-то шевельнулся. Я почувствовала это кожей. Кому-то не понравился поклон короля.

Я подняла глаза.

Их было шестеро за столом, кроме короля.

Старик с белой бородой до середины груди, в тёмно-зелёной мантии, с массивной золотой цепью. Гильдия целителей. Зелёный — цвет гильдии, я помнила это по Хорвену. Магистр Корн. Он смотрел на меня так, как смотрят на таракана в супе.

Рядом с ним — высокий, крупный человек в длинной мантии цвета грозового неба, с серебряным глазом на груди, больше и богаче, чем у Строга. Лицо крупное, властное, с тяжёлым подбородком. Волосы тёмные, с проседью, зачёсаны назад. Первый магистр Дрейм. Он смотрел не на меня. Он смотрел на мои запястья.

Дальше — молодой щёголь в лиловом бархате, с завитыми локонами, с тонкими усиками. Барон Оттон, догадалась я. Племянник. Тот, которому должна была достаться Северная армия. Он смотрел на Рейнара с плохо скрытой злостью.

Двое пожилых вельмож, которых я не знала. Казначей и, кажется, начальник городской стражи. Оба смотрели в стол.

И шестой.

Он сидел по правую руку от пустого королевского кресла. Ближе всех к королю. Немолодой, лет пятидесяти пяти, сухощавый, прямой. Серебряные волосы, гладко зачёсанные. Лицо узкое, спокойное, умное, с тонкими губами. Серый камзол без единого украшения. Серый. Всё в нём было серым, кроме одного.

На мизинце левой руки у него был перстень. Чёрный камень, матовый, без блеска. А в глубине камня, если смотреть внимательно, мерцала крошечная искра.

«Высокий. В сером. С перстнем на мизинце. Чёрный камень, а в нём будто искра».

Так описывала его Нора. За несколько часов до того, как её убили.

Граф Аларик Вейлс поднялся, когда я на него посмотрела. Неторопливо, учтиво. Поклонился. Ниже, чем король. Безупречно.

— Леди Хальвард, — сказал он. Голос был тихий, приятный, бархатный. Голос, которому хочется верить. — Какая честь. Признаюсь, я с нетерпением ждал встречи с женщиной, о которой столько говорят.

— Граф, — сказала я.

— Вы, кажется, знакомы с моим бедным другом, магистром Сайлом, — продолжал он, всё так же улыбаясь. — Он так много о вас писал. До того, как... — Вейлс чуть развёл руками. Перстень блеснул. — До того несчастного недоразумения.

У меня похолодели пальцы.

Рейнар рядом со мной не шевельнулся. Но я почувствовала, как в нём поднимается зверь. Глухо, медленно, из самой глубины. Так поднимается вода в колодце перед паводком.

Я положила ладонь ему на руку. Легко. Почти незаметно.

Зверь затих.

— Граф, — сказал Рейнар ровно. — Признание магистра Сайла записано под печатью Хальвардов при свидетелях. Совет Крыльев требует суда. Не думаю, что вам стоит называть это недоразумением.

— Совет Крыльев, — мягко сказал Вейлс, — согласился отложить суд до окончания мора. По просьбе его величества. Городу сейчас не до судов, милорд. Городу нужно выжить. — Он повернулся к королю. — Не так ли, ваше величество?

Король моргнул. Посмотрел на Вейлса. На Рейнара. Снова на Вейлса.

— Да, — сказал он неуверенно. — Да. Сначала мор. Потом всё остальное.

И я поняла, что Рейнар был прав. Король думает, что решает сам.

* * *

— Расскажите мне о болезни, — сказала я.

Все посмотрели на меня. Магистр Корн поджал губы так, что они исчезли в бороде.

— Миледи, — начал он скрипучим, старческим голосом. — Гильдия целителей Лирны ведёт подробнейший учёт. Я полагаю, лорду-генералу будет достаточно моего отчёта...

— Мне нужен ваш отчёт, — сказала я. — Не лорду-генералу. Мне.

Пауза. Корн медленно перевёл взгляд на короля.

— Говорите, магистр, — сказал король. — Говорите всё. Леди Хальвард за этим прилетела.

Корн развернул свиток.

Он читал долго, монотонно, с длинными старинными оборотами. Я слушала и записывала в тетрадь. Здешними буквами, мелко, быстро.

Первые больные появились в Котловине вскоре после праздника Долгой Ночи. Середина зимы. Сначала единицы. Потом десятки. Потом сотни. Болезнь шла по Нижнему городу: Котловина, Мучной ряд, улица Литейщиков, Пристани. В Верхний город не поднималась. Почти. Несколько случаев среди слуг.

Сейчас новых больных — около двухсот в день. Умерших — около сорока в день. Больше всего умирают дети и старики.

Гильдия назвала болезнь «огненной горячкой». В народе её звали «огненной корчей». Причина — миазмы, гнилые испарения реки, которые зимой застаиваются в низинах. Лечение — кровопускание, чтобы выпустить дурную кровь, и очистительные отвары. Магистры гильдии работают день и ночь. Но больных слишком много, а магистров слишком мало.

— Признаки, — сказала я, когда он закончил. — Как выглядит болезнь? Что чувствуют больные?

Корн посмотрел на меня поверх свитка.

— Жар, — сказал он. — Больные жалуются на жар. Говорят, что горят изнутри. Кричат. Потом появляются чёрные пятна. На пальцах рук, на пальцах ног. Иногда пальцы чернеют целиком. У некоторых бывают припадки. Судороги. Бред.

— Бубоны? — спросила я.

— Что, простите?

— Опухоли. Большие, горячие, болезненные. В паху, под мышками, на шее. Вот такие. — Я показала кулак. — Есть?

Корн нахмурился.

— Нет, — сказал он. — Таких опухолей я не видел. И никто из моих магистров не докладывал.

Я опустила грифель.

Нет бубонов. Чёрные пальцы. Судороги. Бред. Жар, но... Что-то не сходилось. Я ещё не понимала что. Но в голове, где-то очень глубоко, зазвенел маленький тревожный колокольчик. Тот самый, который звенит, когда на столе лежит больной с «аппендицитом», а живот у него мягкий.

— Кашель? — спросила я. — Кровь при кашле?

— Нет. — Корн нахмурился сильнее. — Не припоминаю.

— Заболевают ли те, кто ходит за больными? Родные? Сиделки? Ваши магистры?

Корн открыл рот. Закрыл. Посмотрел на свиток.

— Я... — Он запнулся. — Учёт этого не ведётся, миледи.

— Это не болезнь.

Голос раздался справа. Громкий, звучный, хорошо поставленный, как у актёра. Первый магистр Дрейм поднялся из-за стола. Он был очень высоким, выше Рейнара. Мантия цвета грозового неба падала с его плеч тяжёлыми складками.

— Ваше величество, — сказал он, обращаясь к королю, но глядя на меня. — Я говорил это гильдии. Я говорил это совету. Я повторю ещё раз, при лорде-генерале и его... супруге. Это не болезнь. Болезнь не заставляет людей видеть то, чего нет. Болезнь не заставляет их кричать о пламени и о людях, которые идут к ним из огня. Болезнь не выгибает их дугой, как одержимых. — Он сделал паузу. — Потому что они и есть одержимые. В них вошло то, что пришло из-за Грани. Грань открылась этой зимой. Души лезут оттуда в тех, кто слабее. В бедных. В голодных. В детей.

В зале стало очень тихо.

— Мы изолируем одержимых, — продолжал Дрейм, — в Доме Тишины. Мы надеваем на них кандалы из мёртвого стекла, чтобы души не могли выйти и перекинуться на других. Мы делаем то, что должно. — Он медленно перевёл взгляд на меня. — А теперь скажите мне, ваше величество. Когда открылась Грань?

Король молчал.

— Зимой, — ответил Дрейм сам себе. — Через месяц после того, как Зерцало Яви в крепости Хальвард показало два отражения. Через месяц после того, как Магистериум узнал, что в Арвейн впервые за двести лет пришёл подменыш. Совпадение?

— Первый магистр, — сказал Рейнар. Тихо. Очень тихо. Так тихо, что казначей вжал голову в плечи.

— Я ничего не утверждаю, милорд, — сказал Дрейм, разведя руками. — Я лишь задаю вопросы. Это мой долг. — Он снова повернулся к королю. — Ваше величество. Магистериум не может судить истинную дракона. Право Крыла я уважаю. Но Право Крыла запрещает судить. Оно не запрещает наблюдать. Я прошу, чтобы леди Хальвард, пока она в Лирне, находилась под надзором Магистериума. Для безопасности города. И для её собственной безопасности.

— Она уже под надзором, — сказал Строг.

Все обернулись. Строг стоял у двери, где остановился, когда мы вошли. Он не сел за стол. Он стоял, сложив руки за спиной.

— Я её сопровождаю, Первый магистр, — сказал он. — По вашему же поручению. Как вы и хотели.

Дрейм посмотрел на него. Долго. И что-то в этом взгляде мне очень не понравилось.

— Хорошо, — сказал Дрейм наконец. — Мастер Строг сведущ в делах Грани. Он видел подменыша своими глазами. Пусть сопровождает.

Он сел.

— Леди Хальвард — моя гостья, — сказал король. Голос у него был негромкий, но твёрдый. Первый раз за всё время твёрдый. — Я сам её позвал. Я написал письмо своей рукой. Пусть делает то, что считает нужным. — Он посмотрел на меня. — Что вам нужно, миледи?

* * *

— Больные, — сказала я. — Мне нужно их видеть. Сегодня. Сейчас.

Корн поперхнулся.

— Миледи, это Нижний город! — Он чуть не выронил свиток. — Там миазмы! Там... там Котловина! Туда не спускаются даже магистры гильдии без крайней нужды!

— Тем более, — сказала я.

— Миледи, вы не понимаете...

— Магистр. — Я посмотрела на него. Взглядом, которым смотрела на пьяных в приёмном. — Вы сказали, что двести человек заболевают каждый день. Что сорок умирают. Что гильдия не знает, кто заражается от больных, а кто нет. Что бубонов нет, кашля нет, но есть судороги, бред и чёрные пальцы. Я не могу лечить по свитку. Я должна видеть.

Корн молчал. Борода у него тряслась.

— Прекрасно, — сказал Вейлс.

Я повернулась к нему. Граф сидел, сложив тонкие пальцы домиком, и улыбался.

— Прекрасно, — повторил он. — Решительность, достойная восхищения. Я, разумеется, распоряжусь, чтобы миледи сопровождала городская стража. Десяток лучших людей. В Нижнем городе сейчас неспокойно. Люди напуганы. А напуганные люди... — Он чуть развёл руками. — Мы ведь не хотим, чтобы с леди Хальвард что-нибудь случилось.

Рейнар открыл рот. Я наступила ему на ногу. Краем подола, незаметно.

— Благодарю, граф, — сказала я. — Вы очень добры.

Вейлс чуть приподнял бровь.

— Пусть ваши стражники, — продолжила я, — носят воду и дрова. Много воды. Много дров. Кипятить. Это лучшее, что можно сделать для больных. Я буду вам очень признательна. Пауза.

Кто-то из пожилых вельмож, кажется, казначей, хмыкнул. И тут же закашлялся, прикрывшись платком.

Вейлс смотрел на меня. Улыбка не сходила с его лица. Но глаза перестали улыбаться. Они стали внимательными. Цепкими. Оценивающими. Как у Хорвена, когда он оглянулся на меня у дверей малого зала.

— Разумеется, миледи, — сказал он мягко. — Вода и дрова. Как пожелаете.

* * *

Мы вышли из Зала Созвездий через четверть часа. Король ещё говорил с Рейнаром. Тихо, у окна, держа его за локоть. Я не слышала слов. Только видела, как король сутулится, как Рейнар слушает, наклонив голову.

Я ждала в галерее, у высокого окна, вместе с Лиси и Гуннаром. Бублика Лиси оставила на руках у ошарашенного синего стражника, и тот держал кота, как держат бочонок с порохом.

Строг стоял чуть поодаль. Молча.

— Миледи, — прошептала Лиси. — Этот, в сером. Граф. Он на вас так смотрел...

— Знаю, Лиси.

— Как кот на мышь.

— Знаю.

— А вы ему про воду! — Лиси прыснула в кулак. — Миледи, я чуть не померла. Он так и сел.

Я улыбнулась. Но улыбка вышла кривая.

Нет бубонов. Нет кашля. Чёрные пальцы. Судороги. Видения. Наверху не болят, внизу болят. Это не чума. Или чума, которую я не знаю. Или...

— Здравствуй, Рейнар.

Я обернулась.

Рейнар только что вышел из Зала Созвездий. Он стоял в дверях. А перед ним, в двух шагах, стояла женщина.

Высокая. Почти с него ростом. Тонкая, гибкая, в платье тёмно-зелёного бархата, которое облегалo её, как вторая кожа. Чёрные волосы, гладкие, блестящие, собраны в высокую причёску, переплетённую нитями жемчуга. Лицо — бледное, тонкое, с высокими скулами, с острым подбородком. И глаза. Огромные, зелёные, в тёмных ресницах. Холодные, как речная вода.

Красивая. Очень красивая. Такая красота не согревает. Она режет.

— Леди Изольда, — сказал Рейнар. Ровно, без выражения.

— Ты не изменился, — сказала она. Голос у неё был низкий, грудной, чуть ленивый. — Всё такой же мрачный. Всё такой же невежливый. Даже не поклонись старой знакомой?

Рейнар коротко поклонился. Ровно настолько, насколько требовал этикет. Ни на волос больше.

Изольда улыбнулась. И перевела взгляд на меня.

Она смотрела долго. Оценивающе. Сверху вниз. На моё дорожное платье, синее, шерстяное, помятое после трёх дней полёта. На мои волосы, растрёпанные ветром. На мои руки, красные, обветренные, с короткими ногтями. На метку на запястьях.

— А вы, должно быть, та самая, — сказала Изольда. — Ненужная жена.

Лиси за моей спиной задохнулась. Гуннар кашлянул. Строг не шевельнулся.

Я посмотрела на неё. Прямо в зелёные холодные глаза.

— Уже нужная, — сказала я.

Пауза.

Что-то мелькнуло в лице Изольды. Удивление? Досада? Интерес? Я не успела понять. Она улыбнулась снова. Медленно, одними губами.

— Как мило, — сказала она. — Добро пожаловать в Лирну, леди Хальвард. Надеюсь, вам у нас понравится. Здесь сейчас так... интересно.

Она присела в реверансе, безупречном, лёгком, как падение лепестка. И ушла по галерее, не оглядываясь. Шлейф тёмно-зелёного бархата тянулся за ней по белому мрамору.

Я смотрела ей вслед.

— Миледи, — прошептала Лиси. — Это кто?

— Бывшая невеста, — сказал Гуннар. Тихо, в бороду. — Которой не было.

Рейнар подошёл ко мне. Встал рядом. Я не смотрела на него.

— Анна, — сказал он тихо.

— Потом, — сказала я. — Не сейчас.

Я повернулась к Строгу.

— Мастер Строг. Вы ведь знаете Нижний город?

— Знаю, миледи.

— Тогда едем. В Котловину. Прямо сейчас.

Строг посмотрел на меня. В его прозрачных глазах мелькнуло что-то. Может быть, одобрение. Может быть, жалость.

— Я с вами, — сказал он.

— Я тоже, — сказал Рейнар.

— Тебя ждёт король.

— Король подождёт, — сказал Рейнар. — Первый день я с тобой.

Я посмотрела на него наконец. Он смотрел на меня. Тёмные глаза, шрам через бровь, жёсткие складки у рта. И золотые искры в глубине. Ровные, тёплые.

«Зверь проснулся от тебя. Не от неё».

— Хорошо, — сказала я. — Первый день.

Глава 3. Меченые двери

Карета довезла нас до Хлебных ворот, где кончался Верхний город. Дальше она не поехала.

— Не проедет, миледи, — сказал кучер, не слезая с козел и глядя куда-то поверх моей головы. — Там улицы узкие. И... это. Миазмы.

Я не стала спорить. Пешком так пешком.

Нас было много. Слишком много для узких улиц. Я, Рейнар, Лиси, Гуннар, Строг. И десять городских стражников, которых прислал Вейлс. В кожаных куртках, с короткими мечами на поясах. Они шли позади, нагруженные вёдрами, мешками с дровами и большим медным котлом. Им это очень не нравилось. Я слышала, как они бурчат. Но они несли.

Бублика и наши сумки Гуннар отправил на Северное подворье с мальчишкой-посыльным. Кот не возражал. Кажется, он наелся на всю неделю.

Перед тем как пройти в ворота, я достала из сумки маски.

Я нашла их ещё в Хальварде. Из льна, в четыре слоя, с тесёмками. Полторы дюжины. Лиси помогала. Тильда ворчала, что это барская блажь, но гладила. Я протянула одну Лиси. Одну надела сама. Ещё одну — Рейнару.

Он посмотрел на маску. Потом на меня.

— Нет, — сказал он.

— Да.

— Я дракон. Драконы не болеют человеческими болезнями.

— Ты уверен?

Пауза.

— Почти, — сказал он.

— Почти — это не уверен. Надевай.

Он надел. Гуннар за его спиной закашлялся, отвернувшись. Я протянула маску и ему. Он взял, повертел в руках, хмыкнул и тоже надел.

Потом я протянула маску Строгу.

Строг посмотрел на неё долго. Внимательно. Как смотрят на незнакомый инструмент.

— Зачем? — спросил он.

— Если болезнь передаётся с дыханием, это защитит. Не до конца. Но лучше, чем ничего.

— С дыханием, — повторил он. — Не с душой.

— С дыханием, — сказала я.

Строг ещё помолчал. Потом взял маску и надел. Ловко, сразу правильно завязав тесёмки на затылке. И я подумала, что дознаватель Магистериума, наверное, многое умеет делать с первого раза.

* * *

Нижний город начинался сразу за воротами. Будто кто-то провёл черту.

Наверху были мостовые, белые стены, сады, широкие улицы. Внизу улицы сразу сузились, запетляли, побежали под уклон. Мостовая кончилась, началась утоптанная грязь, подмёрзшая в тени и раскисшая на солнце. Дома встали теснее. Сначала каменные, в два-три этажа, с лавками внизу. Потом деревянные. Потом совсем кривые, слепленные из чего попало, подпёртые жердями, с крышами из дранки и соломы.

И запах. Он менялся с каждым шагом вниз. Наверху пахло весной, мокрым камнем, дымом из печных труб. Ниже — помоями, гнилыми овощами, мочой, кислой капустой. А ещё ниже, у реки, к этому примешивался тот самый запах. Сладковатый, жирный дым с песчаной косы.

Лиси шла рядом со мной, держась за мой рукав. Глаза у неё над маской были круглые.

— Миледи, — прошептала она. — У нас в Броде так не пахнет. Даже у дубильни.

— В Броде живёт четыреста человек, Лиси. А здесь сто тысяч.

Я смотрела на двери.

На каждой второй. Иногда на каждой. Белый круг, нарисованный мелом. А в круге — глаз. Грубо, наспех, несколькими линиями. Но узнаваемо. Тот самый глаз, что был вышит на плече у Строга и на груди у всех серых плащей.

— Меченые двери, — сказал Строг, заметив мой взгляд. — Магистерии метит дома, где были одержимые. Чтобы люди знали. Чтобы не входили.

— И люди не входят?

— Не входят. — Он помолчал. — Иногда заколачивают снаружи. Мы не ведем. Но заколачивают.

Я посмотрела на ближайшую дверь. Круг с глазом. И поперёк — две доски, прибитые накрест. Свежие, ещё светлые.

Изнутри не доносилось ни звука.

— Гуннар, — сказала я. — Ломайте.

* * *

Внутри был мёртвый старик.

Он лежал на лежанке у холодной печи, укрытый тряпьем. Давно. Дня три, не меньше. Я не стала подходить близко. Только посмотрела на руки, которые торчали из-под тряпья. Пальцы были чёрными. Не грязными. Чёрными, сухими, сморщенными, как обгорелые сучки. Мумифицированными.

Сухая гангрена. Я видела такое у диабетиков. У стариков с забитыми сосудами. У обмороженных.

Не у чумных.

— Его надо на костёр, — сказал Гуннар глухо.

— Надо, — сказала я. — Скажите стражникам. Пусть отнесут. С почестями. И доски эти сожгут.

Я вышла на воздух. Постояла, глядя на реку внизу, на дым над косой. Потом пошла дальше.

* * *

Строг привёл нас к дому у самой реки.

Дом был каменный, старый, двухэтажный, весь перекошенный, будто его однажды потрянуло и он так и остался стоять, наклонившись к воде. В подвале жила семья. Строг знал это: у Магистерии были списки.

— Мать и двое детей, — сказал он, остановившись у двери. — Отец умер в начале месяца. Мать заболела пять дней назад. Сын — позавчера. Сегодня за ними должны были прийти.

— Кто?

Строг не ответил. Только посмотрел на дверь. На меловой круг с глазом.

Я толкнула дверь.

Подвал был тёмный, сырой, холодный. Одно окошко под потолком, затянутое бычьим пузырём. Печь, давно погасшая. Запах сырости, мочи и страха. На лежанке у стены лежала женщина. Рядом с ней, свернувшись комочком, — мальчик лет шести. В углу, на куче тряпья, сидела маленькая девочка, года три, не больше. Сидела и смотрела на нас огромными глазами. Не плакала. Не шевелилась.

— Огонь, — сказала женщина с лежанки. — Свет. Уберите свет. Он жжётся.

Я подошла. Опустилась на колени у лежанки.

— Как вас зовут?

— Горю, — сказала женщина. — Я горю. Ноги горят. Как в печи. Светлые силы, как больно...

— Я лекарка, — сказала я. — Я помогу. Как вас зовут?

Она открыла глаза. Мутные, с огромными, расширенными зрачками. Посмотрела на меня. Сквозь меня.

— Марта, — сказала она. — Марта, Ганса-лодочника вдова. Миледи. Миледи, у вас глаза... у вас глаза светятся.

Я ничего не ответила. Положила ладонь ей на лоб.

Лоб был прохладным.

Не горячим. Не огненным. Прохладным. Слегка влажным от пота, но прохладным. Как у здорового человека.

Я нахмурилась. Взяла её за запястье. Пульс был частый, слабый, но ровный. Не такой, как при сильном жаре.

— Лиси, — сказала я. — Свечу. Ближе.

Лиси поднесла свечу. Я откинула одеяло с ног женщины.

Ступни были бледные. Восковые, голубоватые, с синюшными пятнами. Пальцы на левой ноге — тёмные. Не чёрные, как у старика наверху, а тёмно-лиловые, будто налитые синяком. На большом пальце — пузырь с тёмной жидкостью.

Я коснулась ступни.

Ледяная. Как у покойника.

А она кричала, что горит.

Я положила два пальца на тыльную сторону стопы. Туда, где у живого человека бьётся маленькая артерия. Я нащупывала её тысячу раз. На осмотрах, на обходах, у стариков, у диабетиков.

Ничего. Пусто. Тишина.

Я передвинула пальцы. За лодыжку. Туда, где ещё одна артерия огибает кость.

Ничего.

Под коленом. Слабо, нитевидно, едва-едва. Есть.

Я сидела на коленях на холодном полу подвала и смотрела на ступни Марты, вдовы Ганса-лодочника. И в голове у меня было очень пусто и очень ясно.

Сосуды. Сосуды в ногах сжаты. Так сжаты, что кровь не проходит. Поэтому ноги холодные. Поэтому чернеют пальцы. Поэтому ей больно, больно так, что кажется, будто горит. Так бывает, когда кровь не доходит: ткани кричат от голода. Я видела это у стариков с закупоренными артериями. Они говорили то же самое. «Жжёт, доктор. Как огнём жжёт».

Но это не старики. Это молодая женщина. Ей тридцать, не больше.

И это не чума. Не бывает такой чумы.

Я осмотрела её всю. Быстро, привычно. Шея, подмышки, пах — никаких опухолей. Ни одной. Кожа на руках бледная, пальцы холодные, но не почерневшие. Живот мягкий. Дыхание чистое, без хрипов. Кашля нет.

— Марта, — сказала я. — Что вы чувствовали сначала? До того, как начало жечь?

— Мурашки, — прошептала она. — Муравьи. Под кожей. Будто ползают. Неделью, две... Потом холод. Потом жжёт.

Мурашки. Онемение. Холод. Жжение. Чернеющие пальцы.

Я встала. Повернулась к мальчику.

* * *

Мальчика звали Петька.

Он лежал, свернувшись, и мелко дрожал. Глаза были закрыты, но веки подрагивали. Губы шевелились. Я наклонилась.

— Огонь, — шептал Петька. — Дядьки. В огне. Идут. Мамка, они идут...

Я положила руку ему на голову. Лоб прохладный. Как у матери.

И в этот момент он выгнулся.

Резко, страшно, всем телом. Дугой, будто его тянули за пятки и затылок. Голова запрокинулась так, что затылок почти коснулся спины. Руки скрючились, пальцы сжались в кулаки. Ноги вытянулись. Из рта вырвался хрип, переходящий в вой.

Лиси вскрикнула и уронила свечу. Свеча погасла.

— Свет! — сказала я. — Лиси, свет! Гуннар, дверь — шире!

В подвал хлынул серый дневной свет. Я уже была рядом с мальчиком. Перевернула его на бок, одним движением. Подложила ладонь под голову, чтобы не бился о доски. Отодвинула от края лежанки, чтобы не упал.

Тело под моими руками билось, выгибалось, дёргалось. Сильно, гораздо сильнее, чем может биться шестилетний ребёнок.

— Миледи, ложку! — Лиси бросилась ко мне. — Ложку в зубы, чтоб язык не прикусил! У нас в деревне всегда...

— Нет! — сказала я. Резче, чем хотела. — Ничего в рот. Никогда. Ни ложку, ни палку, ни пальцы. Сломаешь ему зубы, а он вдохнёт осколки. Просто держи голову. Мягко. Вот так. И на бок, чтобы слюна вытекала. Всё. Больше ничего не надо. Ждём.

Лиси, бледная, опустилась на колени рядом со мной и подставила ладони под голову мальчика. Руки у неё дрожали. Но она держала.

Я считала. Про себя. Как всегда в такие минуты.

Двадцать. Сорок. Шестьдесят.

Судорога ослабла. Тело мальчика обмякло. Дыхание стало хриплым, булькающим, потом глубоким и ровным. Он затих.

Я выдохнула.

— Всё, — сказала я. — Всё, Лиси. Теперь он будет спать. Долго. Не буди.

Лиси сидела на полу, держа ладони под головой мальчика, и смотрела на меня.

— Миледи, — сказала она тихо. — А почему не ложку?

— Потому что ложка ломает зубы, а язык он почти никогда не прикусывает так, чтобы это было опасно. А если прикусит — заживёт. А осколок зуба в лёгких не заживёт. Запомни. Это важно.

— Запомню.

Я посмотрела на мальчика. Он лежал на боку, бледный, мокрый от пота, с пеной в уголках губ. Спал.

Судороги. Видения. Холодные конечности. Чернеющие пальцы. Мурашки под кожей. Мать и сын. Оба. Без жара. Без бубонов.

Где-то глубоко в голове, на самом краю памяти, шевельнулось что-то. Какая-то страница из учебника. Какая-то лекция. Давно, очень давно. Я не могла ухватить. Оно ускользало, как рыба из рук.

— Миледи.

Голос Строга. Тихий, настороженный.

— Миледи. Они пришли.

* * *

Их было пятеро. Четверо стражников в серых плащах и маг. Молодой, с гладким, пустым лицом. С серебряным глазом на груди.

За ними, у края улицы, стояла серая телега. Крытая. С решёткой на окошке.

Маг остановился на пороге подвала. Посмотрел на меня. На Лиси. На мальчика, который лежал на боку, мокрый, с пеной у рта. На Рейнара, который стоял у стены в тени и до сих пор не сказал ни слова. На Строга.

— Мастер Строг, — сказал маг удивлённо. — Не ожидал.

— Мастер Ланц, — кивнул Строг.

Маг Ланц снова посмотрел на мальчика. На его лице не было ничего. Ни жалости, ни злости. Он устал. Как устают люди, которые делают одно и то же каждый день.

— Припадок одержимости, — сказал он. — Соседи видели, как его било. Мальчика надлежит изолировать в Доме Тишины. Мать тоже. Берите.

Двое стражников шагнули вперёд.

Я встала. Между ними и лежанкой.

— Нет, — сказала я.

Маг Ланц перевёл на меня взгляд.

— Женщина, — сказал он, — ты не понимаешь. Кто ты такая?

— Я лекарка, — сказала я. — У мальчика судороги. Он болен. Его мать больна. Они останутся здесь, где тепло и где за ними будут ухаживать.

— Это не болезнь. Это одержимость. Первый магистр...

— Я слышала, что говорит Первый магистр.

Ланц нахмурился. Впервые на его гладком лице что-то шевельнулось. Раздражение.

— Женщина, отойди, — сказал он. — Или тебя возьмут вместе с ними.

Рейнар шагнул из тени.

Он не сказал ни слова. Он просто вышел на свет. Высокий, широкий, в тёмном плаще. Маску он сдёрнул на шею ещё у двери. И на его лице, в серо-голубом свете, было видно всё. Шрам через бровь. Жёсткую складку губ. И глаза. Тёмные, с золотыми искрами в глубине.

Искры разгорались.

Маг Ланц побледнел. Стражники за его спиной отступили на шаг.

— Лорд... лорд-генерал, — сказал Ланц. Голос сорвался. — Я не знал... Мне не сообщили...

— Теперь знаешь, — сказал Рейнар.

Только два слова. Тихо, ровно.

В подвале стало жарко. Я почувствовала это. Воздух вокруг Рейнара задрожал, как над костром.

— Мастер Ланц, — сказал Строг. Мягко, почти дружески. — Я дознаватель. Этот случай я беру под своё наблюдение. Доложите Первому магистру, если сочтёте нужным. От моего имени.

Ланц смотрел на Строга. На Рейнара. На меня.

— Доложу, — сказал он наконец. Сквозь зубы.

Он развернулся и вышел. Стражники за ним. Через минуту я услышала, как заскрипели колёса серой телеги.

Я выдохнула. И только сейчас заметила, что всё это время стояла, раскинув руки. Как Ника, наверное, когда-то стояла перед своей матерью. Только я ещё не знала, кто такая Ника.

* * *

Мы пробыли в подвале до вечера.

Стражники Вейлса растопили печь. Я велела топить не сильно: нужно было тепло, а не жар. Холодные ноги Марты нельзя было греть у огня. Сосуды сжаты, кожа ничего не чувствует, можно обжечь и не заметить. Только тёплые одеяла, тёплые обёртки, медленно.

Стражники натаскали воды. Вскипятили в медном котле. Я поила Марту тёплой кипячёной водой с ложки. Она пила жадно, захлёбываясь.

Девочка в углу, её звали Мила, оказалась здоровой. Совсем. Ни мурашек, ни холодных пальцев. Только голодная и напуганная до немоты.

— Она ела то же, что и вы? — спросила я у Марты, когда та немного пришла в себя.

Марта посмотрела на меня мутно.

— Она сосёт ещё, — сказала она. — Грудь. Я её не отняла. Хлеба не просит. Ей молока хватает. Хватало...

Молоко. Значит, у Марты ещё есть молоко. И девочка пьёт его. И девочка здорова. Я запомнила.

Потом мы обошли ещё четыре дома с мечеными дверями. В каждом было одно и то же. Холодные ноги, которые горят. Чёрные пальцы. Мурашки под кожей. Видения. У двоих — судороги. Ни у кого не было бубонов. Ни у кого не было кашля. Ни у кого не было жара.

И ещё одно.

В третьем доме за больной старухой ходила соседка. Пожилая, крепкая женщина с красными руками. Она ходила уже две недели. Мыла, кормила, переворачивала. Каждый день.

Соседка была здорова.

— Не боитесь? — спросила я.

— Боюсь, — сказала она. — А кто ж её ещё? У неё никого.

— И не болеете?

Соседка пожала плечами.

— Пламя хранит, — сказала она.

Я записала. Соседка. Две недели. Здорова.

* * *

Девочка ждала нас у последнего дома.

Я заметила её ещё днём. Она шла за нами от самой реки. Тошная, лет десяти, в рваной кофте не по размеру, босая. Босая, хотя в тени ещё лежал снег. Рыжевато-русые волосы, спутанные, нечёсанные. Острое лицо, острый подбородок, острые колени. Она держалась на расстоянии, перебежала от угла к углу, пряталась за бочками. Но не уходила.

Теперь она стояла посреди улицы. Прямо у нас на пути. И смотрела на меня.

— Вы лекарка, — сказала она. Не вопрос. Утверждение. — Из-за Грани.

Гуннар шагнул вперёд, чтобы отогнать её. Я остановила его рукой.

— Да, — сказала я. — Лекарка. Как тебя зовут?

— Ника.

— Что ты хочешь, Ника?

Девочка смотрела на меня. Губы у неё дрожали. Но голос был твёрдый.

— Мою маму забрали, — сказала она. — Серые. В Дом Тишины. Пять недель назад. Она горела. Как все. И её забрали. На неё надели чёрные браслеты. И я не знаю... — Голос всё-таки сорвался. — Я не знаю, живая она или нет. Туда не пускают. Я каждый день хожу. Стою у ворот. Не пускают.

Пять недель. В Доме Тишины. В кандалах из мёртвого стекла.

— Как зовут твою маму?

— Дарина. Прачка. Из Котловины.

— Ника, — сказала я. — Мама тебе что-нибудь говорила? Перед тем, как её забрали?

Девочка посмотрела на меня. Удивлённо. Будто не ожидала, что кто-то спросит.

— Говорила, — сказала она медленно. — Она меня узнала. Один раз. По-настоящему. И сказала: «Не ешь хлеб». А потом опять стала говорить про огонь.

«Не ешь хлеб».

Я стояла посреди грязной улицы Котловины и смотрела на босую девочку.

Что-то шевельнулось в голове. Та самая рыба, которая ускользала весь день. Шевельнулась и снова ушла на глубину.

— Мастер Строг, — сказала я, не оборачиваясь.

— Да, миледи.

— Завтра мы идём в Дом Тишины.

Пауза.

— Первый магистр будет против, — сказал Строг.

— Вы дознаватель. Вы сказали, что берёте случаи под своё наблюдение. Вот и возьмите.

Ещё пауза. Длинная.

— Завтра, — сказал Строг.

Я присела перед Никой на корточки. Так, чтобы наши глаза были на одном уровне. Как Рейнар тогда, в Хальварде, над книгой.

— Ника, — сказала я. — Ты знаешь, где Северные ворота?

— Знаю.

— Там есть дом. Северное подворье. Где флаг с чёрным драконом. Приходи туда завтра утром. Рано. Мы пойдём к твоей маме. Вместе.

Девочка смотрела на меня. Долго. Не моргая. А потом вдруг её лицо сморщилось, и она заплакала. Беззвучно, не всхлипывая, не вытирая щёк. Просто стояла посреди улицы и плакала. Как Нора когда-то у жаровни.

Я обняла её. Она была лёгкая, как птица. И холодная.

— И надень что-нибудь на ноги, — сказала я ей в макушку. — Пожалуйста. Это приказ лекарки.

Над Котловиной садилось солнце. Красное, тусклое сквозь дым с песчаной косы. Где-то внизу, у реки, скрипели колёса серых телег.

Рейнар стоял рядом. Молча. Я чувствовала его тепло спиной.

Он не сказал ни слова за весь вечер. Он просто был рядом.

И этого было достаточно.

Глава 4. Дом Тишины

Северное подворье оказалось старым, пыльным и огромным.

Хальварды построили его лет двести назад, при том самом Торвальде, когда драконы часто летали в столицу. Каменный дом в три этажа у самых Северных ворот, с узкими окнами-бойницами, с тяжёлой дубовой дверью, окованной железом, с плоской крышей, на которую мог опуститься дракон. Над воротами висел флаг: чёрный дракон на сером поле. Выцветший, потрёпанный ветром.

Внутри пахло сыростью и мышами. Мебель стояла под холстинами. В большом зале на стене висели старые щиты и копья. В спальнях — половики, изъеденные молью.

— Последний раз милорд ночевал здесь прошлым летом, — сказал Гуннар виновато, когда мы вошли вчера вечером. — Одну ночь, после венчания. Наутро улетел на перевал. Я один тут живу. Да ещё Берта, кухарка. Не успели прибраться. Письмо милорда пришло, когда вы уже вылетели.

— Ничего, — сказала я. — Мы не на бал.

Бублик обошёл весь дом за час. Заглянул в каждый угол, в каждую кладовку, под каждую холстину. Распугал мышей. Одну принёс и положил мне на подушку. Видимо, в знак того, что берёт подворье под свою руку.

А Берта, крошечная, сморщенная, похожая на печёное яблоко, увидела кота и всплеснула руками:

— Светлые силы! Котище! Наконец-то!

И тут же налила ему молока.

* * *

Ника пришла на рассвете.

Я проснулась от голосов во дворе. Выглянула в окно. У ворот стоял Гуннар и разговаривал с кем-то маленьким. Ника. В тех же лохмотьях, но на ногах — огромные мужские башмаки, подвязанные верёвками, чтобы не спадали.

Я спустилась.

— Ты пришла, — сказала я.

— Вы велели, — сказала Ника. Она смотрела на меня снизу вверх, настороженно, будто ждала, что я передумаю. — И башмаки надела. Красильщики. Он их на заборе сушил. Я верну.

Гуннар за её спиной хмыкнул в бороду.

— Вернётся, — согласилась я. — А пока пойдём на кухню. Берта нас накормит.

На кухне было тепло. Берта поставила перед нами по миске пшённой каши с маслом. Ника накинулась на неё так, что я испугалась, не подавится ли. Лиси, сидевшая напротив, подвинула к ней ломоть хлеба.

Ника посмотрела на хлеб. И отодвинула.

— Не, — сказала она с набитым ртом. — Хлеб не буду.

— Почему? — спросила Лиси. — Хороший хлеб. Белый. Берта утром на рынке у Северных ворот брала.

— Мама не велела. — Ника проглотила кашу и вытерла рот рукавом. — Сказала: не ешь хлеб. Я и не ем. Я у матушки Ветлы кашу ем, в приюте. Там дают. Каждый полдень. Я и раньше там ела. Всю зиму. А мамке свой хлеб отдавала.

Я замерла с ложкой у рта.

— Приют? — спросила я. — Какой приют?

— Тёплого Очага. У старой стены. Там очажницы сирот кормят. И нас пускают, если молитву прочтёшь.

— В Котловине?

— На краю. У самой Котловины.

— И там болеют? В приюте?

Ника подумала. Наморщила лоб.

— Не, — сказала она. — Матушка Ветла говорит, у них никто не заболел. Ни один. Говорит, Пламя бережёт. Потому что молятся много.

Я положила ложку.

Приют в Котловине. Посреди мора. Где не заболел никто.

Лиси смотрела на меня. Она уже знала этот мой взгляд.

— Миледи, — сказала она тихо. — Вы опять что-то думаете.

— Думаю, — сказала я. — Ника, после Дома Тишины ты отведёшь меня к матушке Ветле.

* * *

Рейнар уехал во дворец сразу после завтрака. Король созвал совет.

Мы попрощались у ворот. Он стоял, держа Угля под уздцы. Не Угля, конечно: Уголь остался в Хальварде. Гуннар подобрал ему в городских конюшнях высокого вороного мерина с белой звёздочкой на лбу. Мерин косился на Рейнара с опаской. Лошади чуют драконов.

— Гуннар с тобой, — сказал Рейнар. — Весь день. Не отпускай его.

— Хорошо.

— И Строг.

— Строг — Магистериум.

— Строг — честный, — сказал Рейнар. — Это хуже для Магистериума. Но лучше для тебя.

Я посмотрела на него.

— Ты ему веришь?

Рейнар помолчал.

— Он поклонился тебе вчера, — сказал он. — На площадке. Не как гостю. Как тому, кого ждут. Я видел такие поклоны на войне. Так кланяются тому, от кого ждут спасения.

Он вскочил в седло. Посмотрел на меня сверху.

— Анна. Если что-то случится...

— Я позову.

— Как?

Я подняла руку. Повернула запястьем к нему. Серебряная метка мерцала в утреннем свете.

— Ты почувствуешь, — сказала я.

Он смотрел на метку. Потом на меня. Потом наклонился с седла и поцеловал меня. Коротко, крепко. При Гуннаре, при Лиси, при Нике, при Берте, которая выглядывала из кухонного окна.

И уехал.

Ника смотрела ему вслед, разинув рот.

— Это дракон? — прошептала она. — Это правда дракон?

— Правда, — сказала я.

— А он вас... — Ника покраснела. — А он вас любит?

— Да, — сказала я.

Ника подумала.

— Повезло вам, — сказала она серьёзно.

* * *

Дом Тишины стоял на берегу Тихой, ниже Котловины. Там, где река делала широкую петлю. Серый, приземистый, с толстыми стенами из речного камня, позеленевшими у основа-

ния от сырости. Крохотные окна под самой крышей забраны решётками. Высокая стена вокруг двора. Ворота из потемневшего дуба, окованные железом.

Строг ждал нас у ворот. Один. Он стоял, сложив руки за спиной, и смотрел на реку.

— Миледи, — сказал он, когда мы подошли. И тут же перевёл взгляд на Нику. — Девочку туда нельзя.

— Её мать там.

— Именно поэтому, — сказал Строг.

Ника вцепилась в мой рукав.

— Я не уйду, — сказала она. — Я пять недель стою у этих ворот. Я не уйду.

Строг посмотрел на неё. Долго. Его узкое бледное лицо ничего не выражало. А потом вдруг что-то в нём дрогнуло. Совсем чуть-чуть, в уголках глаз.

— Хорошо, — сказал он. — Но ты будешь держаться за миледи. И не будешь смотреть по сторонам. Только вперёд. Обещаешь?

— Обещаю.

Строг постучал в ворота.

* * *

Смотритель Дома Тишины был толстым, одышливым человеком в засаленной серой рясе. Звали его Кассиан. Он открыл нам сам, увидел Строга и согнулся в поклоне. Увидел меня и разогнулся.

— Мастер Строг. А это... это...

— Леди Хальвард, — сказал Строг. — Она со мной. По делу Магистериума.

— Но, мастер, Первый магистр велел... никого из посторонних... особенно...

— Первый магистр поручил мне наблюдение за леди Хальвард. Куда идёт она, иду я. Сейчас она идёт сюда. Открывай.

Кассиан открыл.

Я думала, что готова. Я двенадцать лет работала в областной больнице. Я видела приёмное отделение в новогоднюю ночь. Я видела бомжей, которых привозили с улицы в январе. Я видела ожоговое.

Я не была готова.

Запах ударил первым. Сырость. Гниль. Моча. Кал. И ещё что-то, сладковатое, тяжёлое, знакомое. Запах мёртвой ткани. Гангрены.

Потом звук. Стоны. Бормотание. Чей-то плач, тонкий, монотонный, как у ребёнка, хотя голос был взрослый. Чей-то крик где-то в глубине, далёкий, повторяющийся: «Огонь! Огонь!» И над всем этим — звон. Тихий, металлический. Звон цепей.

А потом я увидела.

Длинный каменный коридор, тускло освещённый факелами. По обе стороны — камеры. Не камеры даже. Ниши в стенах, отгороженные решётками. В каждой нише — люди. По двое, по трое, по пятеро. Лежат на голом каменном полу, на гнилой соломе. Мужчины, женщины, старики. Дети.

На запястьях у каждого — чёрные браслеты. Матовые, без блеска. От браслетов к кольцам в стене тянулись цепи.

Мёртвое стекло.

Строг шёл впереди. Ровно, не оглядываясь. Ника держалась за мою руку так, что у меня немели пальцы. Лиси шла сзади. Я слышала, как она дышит. Часто, со всхлипом.

— Сколько их здесь? — спросила я. Голос был чужой.

— Сейчас — около трёхсот, — сказал Кассиан. Он семенил рядом, вытирая пот со лба. — Было больше. Но каждое утро... — Он запнулся. — Каждое утро мы выносим. На косу. К кострам.

— Сколько?

— Десять. Пятнадцать. Вчера — двадцать два.

Я остановилась у одной из ниш. Внутри лежал мужчина. Средних лет, бородатый, исхудавший до скелета. Он лежал на спине, глядя в потолок, и шевелил губами. Ноги у него были босые. От колен вниз они были чёрными. Не тёмными. Чёрными, высохшими, сморщенными, как у мумии. Пальцев на одной ноге уже не было. Они отпали.

Он был жив.

— Что вы им даёте? — спросила я.

— Воду, миледи. Раз в день. И похлёбку. Из репы. Тоже раз в день.

— Хлеб?

Кассиан посмотрел на меня так, будто я предложила накормить одержимых священными свечами.

— Хлеб? Миледи, хлеб — дар Пламени! Одержимым хлеб не положен. Так завещано. Нечистые не едят от очага.

Я ничего не сказала. Только посмотрела на мужчину в нише. На его чёрные ноги. На его лицо. Он перестал шевелить губами. Медленно повернул голову. И посмотрел на меня. Ясно. Осмысленно.

— Воды, — сказал он хрипло. — Госпожа. Воды.

— Лиси, — сказала я. — Воду. Кипячённую. Из нашей фляги.

Лиси протянула флягу сквозь решётку. Мужчина пил, захлёбываясь, обливаясь.

— Давно он здесь? — спросила я у Кассиана.

Тот сверился с засаленной книгой, которую носил под мышкой.

— Месяц. Месяц и три дня.

Месяц. Месяц без хлеба, на воде и репе. И он жив. И смотрит ясно. И просит воды. Ноги потеряны, но голова ясная.

Рыба шевельнулась в глубине. Ближе. Гораздо ближе.

* * *

Дарину мы нашли на нижнем ярусе.

Там было ещё хуже. Ниже уровня реки. Стены мокрые, по полу растекались лужи. Холод пробирал до костей. Факелов было меньше, и в полутьме ниши казались пещерами.

Ника увидела её первой.

Она вырвала руку из моей и бросилась к решётке. Вцепилась в прутья обеими руками.

— Мама! Мама!

В нише, на соломе, у самой стены, лежала женщина. Худая, как тень. Тёмные волосы спутаны, лицо серое, глаза запали. Она лежала на боку, свернувшись, и на её запястьях тускло чернели браслеты.

Услышав голос, она шевельнулась. Медленно подняла голову.

— Ника?

— Мама!

Женщина поднялась. Не встала: встать она не могла. Подползла к решётке на коленях, звеня цепью. Цепь натянулась. Не хватило совсем немного. Ладонь не дотянулась до прутьев на ширину пальца.

Ника просунула руку сквозь решётку. Сколько могла. До плеча. Пальцы матери и дочери коснулись.

— Доченька, — шептала Дарина. — Доченька. Живая. Ты живая. Ты хлеб не ела? Не ела хлеб?

— Не ела, мама. Как ты велела. У матушки Ветлы ела. Кашу.

— Хорошо. Хорошо. — Дарина плакала. Беззвучно. Слезы текли по серому лицу, оставляя светлые дорожки. — Не ешь. Не ешь его. Я ещё дома заметила: как поешь хлеба — хуже. А

здесь поняла. Неделю без хлеба — и легче. Тело не горит. Голова не горит. Только пальцы... — Она посмотрела на свои ноги. На ступни, обмотанные грязной тряпкой. — Пальцы уже не мои.

Я опустилась на колени рядом с Никой. Посмотрела на Дарину сквозь решётку.

— Дарина, — сказала я. — Я лекарка. Можно мне посмотреть?

Дарина подняла на меня глаза. Ясные. Совершенно ясные. Усталые, измученные, но ясные.

— Это вы, — сказала она. — Северная. Здесь говорили. Стражники. Что дракон прилетел. С женой из-за Грани.

— Это я.

Дарина долго смотрела на меня. Потом протянула ногу к решётке. Медленно, морщась от боли. Я размотала тряпку.

Три пальца на левой ступне были чёрными. Сухими, сморщенными, отделёнными от здоровой кожи чёткой красной линией. Граница. Тело уже решило, где кончается живое. Остальная ступня была бледной, прохладной, но живой. Я нажала на кожу. Белое пятно медленно, но порозовело.

Кровь шла. Плохо, медленно, но шла.

— Мурашки ещё есть? — спросила я.

— Нет. Уже неделю нет.

— Видения?

— Нет. Давно нет. — Она помолчала. — Холодно только. Всё время холодно.

Я замотала ступню обратно. Посмотрела на Строга. Он стоял в двух шагах позади, в тени, и смотрел на нас.

— Мастер Строг, — сказала я. — Можно вас на минуту.

* * *

Мы отошли в сторону, к лестнице. Ника осталась у решётки. Лиси — с ней.

— Вы видели подменыша, — сказала я тихо. — Меня. Вы смотрели в Зерцало и видели два отражения.

— Видел.

— Эти люди — такие же?

Строг долго молчал. Факел на стене трещал. Где-то в глубине коридора кто-то снова закричал: «Огонь!»

— Нет, — сказал Строг наконец. Так тихо, что я едва расслышала. — Не такие. Я видел подменыша. Я видел, как вы смотрите. Как вы говорите. Вы — другая. Целиком. Вы знаете то, чего не знает никто здесь. У вас другие руки. Другие слова. Другой взгляд. — Он помолчал. — А эти люди... эта прачка... Она прачка. Она говорит, как прачка. Она плачет о дочери, как плачет мать из Котловины. В ней никого нет, миледи. Кроме неё самой.

— Тогда почему вы их держите?

Строг посмотрел на меня. В его прозрачных глазах было что-то, чего я раньше не видела. Боль. Старая, глубокая, привычная боль.

— Потому что так велит Первый магистр, — сказал он. — Потому что так велит устав. Потому что я дознаватель, а не Первый магистр.

— Их нужно лечить.

— Я знаю.

— Их нужно перевести отсюда. В тепло. Туда, где за ними будут ухаживать.

— Этого я сделать не могу, — сказал Строг. — Снять кандалы и выпустить их отсюда может только Первый магистр. Или король. Король не станет спорить с Магистериумом. Не сейчас.

— Тогда что вы можете?

Строг помолчал.

— Внутри этих стен, — сказал он медленно, — я могу многое. Я дознаватель. Мне поручено наблюдение. Смотритель Кассиан подчиняется мне, пока я здесь. Если я скажу, что для наблюдения одержимых нужны сухая солома, огонь в жаровнях и вода два раза в день... он даст. Если я скажу, что мне нужны люди, которые будут мыть, кормить и менять солому... он пустит.

Я смотрела на него.

— А если Первый магистр спросит?

— Я отвечу, что наблюдаю, — сказал Строг. — Для наблюдения нужно, чтобы наблюдаемые были живы.

* * *

Мы начали в тот же день.

Кассиан ворчал, потел, хватался за сердце. Но давал. Солому. Дрова для жаровен. Котлы для воды. Стражники Вейлса, те самые десять, которые вчера таскали за нами вёдра по Котловине, сегодня таскали их в Дом Тишины. Им это нравилось ещё меньше. Но они таскали.

К полудню Ника привела женщин.

Она исчезла, ничего не сказав, и через час вернулась. С ней были трое. Ульяна, та самая соседка с красными руками, которая две недели ходила за больной старухой. И две вдовы с Пристаней, худые, молчаливые, в чёрных платках.

— Ульяна сказала, — объяснила Ника, — что если лекарка из-за Грани не боится, то и ей бояться нечего.

Ульяна стояла в воротах Дома Тишины, держа в руках узелок, и смотрела на меня исподлобья.

— Чего делать? — спросила она коротко.

— Мыть, — сказала я. — Руки — перед каждым больным и после. Щёлоком. Воду — только кипячёную. Солому — менять, старую жечь. Больных — поить, кормить, переворачивать. Ноги — в тепло, но не к огню. Кто бьётся в припадке — на бок, голову держать, в рот ничего не совать. Лиси покажет.

Ульяна посмотрела на Лиси. Семнадцатилетнюю, курносую, в белом платке с красной рябиной.

— Эта? — спросила она недоверчиво.

— Эта, — сказала я. — Она моя первая помощница. Она знает больше, чем любой магистр гильдии.

Лиси покраснела до корней волос. Но выпрямилась.

К середине дня солома в нишах верхнего яруса была сухой. В жаровнях горел огонь. Больные пили воду. Тёплую, кипячёную. Ульяна и вдовы ходили между нишами с вёдрами и тряпками. Лиси учила их переворачивать лежащих. Ника бегала за водой к реке и обратно, к котлам, к кострам, к воротам.

Дарину перевели на верхний ярус. Строг распорядился. Цепь оставили. Но ниша была сухой, и в ней горела жаровня, и Ника сидела рядом, по ту сторону решётки, и держала мать за руку.

Я стояла в коридоре, вытирая руки тряпкой, смоченной в огневице. Пальцы саднило.

Хлеб не дают. Месяц без хлеба. И кто выжил первую неделю — живёт. Не хуже. Лучше. Голова ясная. Видений нет. Мурашек нет.

Приют, где кормят своим хлебом. Ни одного больного.

Верхний город, где едят белый хлеб. Никто не болеет.

Соседка, которая две недели ходит за больной. Здорова.

Девочка, которая сосёт грудь и не ест хлеба. Здорова.

«Не ешь хлеб».

Это не зараза. Это не дыхание. Это не души из-за Грани.

Это что-то, что они едят.

* * *

Рейнар

Совет заседал с утра до вечера.

Рейнар сидел за длинным столом в Зале Созвездий, под нарисованными звёздами, и слушал. Слушал, как Корн читает новые цифры. Двести шестьдесят новых больных за вчерашний день. Сорок восемь умерших. Как Дрейм рассказывает про одержимых, которые в Доме Тишины выкрикивают имена на неведомом языке. Как казначей жалуется, что городская казна пуста, а цены на дрова выросли вдвое.

Он слушал. И ждал.

Вейлс заговорил после полудня. Когда все устали. Когда король уже трижды потёр виски и дважды посмотрел в окно, в сторону своей башни со стеклянным куполом.

— Ваше величество, — сказал Вейлс мягко. — Позвольте мне предложить. Не решение. Только меру. Временную.

Король кивнул.

— Мор идёт снизу, — продолжал Вейлс. — Из Нижнего города. От реки. Магистр Корн говорит, от миазмов. Первый магистр говорит, от Грани. Неважно. Важно, что он внизу. И пока он внизу, Верхний город в безопасности. Дворец в безопасности. Её высочество принцесса в безопасности.

При слове «принцесса» король вздрогнул.

— Я предлагаю, — сказал Вейлс, — закрыть Хлебные ворота. И все проходы между Нижним городом и Верхним. На время. Пока мор не утихнет. Поставить стражу. Никого не впускать наверх. Никого.

Тишина.

— Это сорок тысяч человек, — сказал Рейнар.

Все повернулись к нему.

— В Нижнем городе живёт сорок тысяч человек, — повторил Рейнар ровно. — Больше. Вы предлагаете запереть их с мором. Без врачей. Без дров. Без еды.

— Без еды? — Вейлс приподнял бровь. — Помилуйте, генерал. Еда будет. Хлебная палата продолжит торговлю. Мы не варвары. Мы лишь отделим больных от здоровых. Разве не этого всегда требует ваша супруга? Отделять больных от здоровых?

Рейнар промолчал. Вейлс был прав. Анна так говорила. Только Анна говорила о больных. А Вейлс говорил о бедных.

— Кроме того, — продолжал Вейлс, — для того чтобы эта мера действовала, нужен надзор. Единый. Городская стража, Хлебная палата, ворота, подвоз дров. Сейчас всем этим ведают разные люди. Я предлагаю свести всё в одни руки. Временно. На время мора. — Он скромно опустил глаза. — Я готов взять это бремя на себя. Если ваше величество сочтёт меня достойным.

Рейнар посмотрел на короля.

Король сидел, сторбившись, глядя на карту города. На маленький кружок на вершине холма. Звёздный дворец. Где в одной из комнат спала его семилетняя дочь.

— Генерал, — сказал Вейлс, не поднимая глаз. — Вы предпочли бы, чтобы мор поднялся сюда? К его величеству? К её высочеству?

Тишина.

Рейнар чувствовал, как в груди поднимается зверь. Медленно. Глухо. Он сжал кулаки под столом.

«Мне не нужен сейчас дракон. Мне нужен генерал, который думает».

Он думал. Он видел ловушку. Ворота, стража, Хлебная палата, дрова. Всё в одних руках. Всё, чем живёт город. Сорок тысяч человек внизу, которые будут есть то, что продаст им Вейлс. И греться тем, что даст им Вейлс. И ходить туда, куда пустит Вейлс.

Он видел ловушку. Но не видел, как её разбить. Не здесь. Не сейчас. Не перед королём, который боится за дочь.

— Ваше величество, — сказал Рейнар. — Прошу вас подождать. Три дня. Моя жена сегодня в Нижнем городе. Она смотрит больных. Дайте ей три дня. Она скажет, откуда идёт мор.

Король поднял на него глаза. Усталые, красные, измученные.

— Три дня, — повторил он. — За три дня умрёт полторы сотни человек.

— Больше, — сказал Вейлс тихо. — Если мор поднимется вверх.

Король молчал. Долго. Потом протянул руку к перу.

Указ был уже написан. Ровным писарским почерком. С завитком на «повелеваем».

Король подписал.

Рейнар смотрел, как высыхают чернила. Как Вейлс бережно, двумя пальцами, берёт лист и сворачивает его. Как блестит на его мизинце чёрный камень с искрой.

Он знал этот камень. Он видел его вчера и сразу понял, что это. В двух шагах от Вейлса зверь внутри Рейнара глох. Становился тише. Слабее. Будто его накрывали тяжёлым мокрым одеялом.

Мёртвое стекло. На пальце у советника короля.

Вейлс встал. Поклонился королю. Потом Рейнару.

— Генерал, — сказал он, улыбаясь. — Передайте вашей супруге мою благодарность. За совет про воду и дрова. Я распорядился. Стражники будут носить столько, сколько она пожелает.

И вышел.

Рейнар сидел за столом под нарисованными звёздами и смотрел на дверь.

Хлебная палата, подумал он. Вейлс сказал: Хлебная палата продолжит торговлю.

Почему-то эти слова не давали ему покоя.

Глава 5. Карта огня

Приют Тёплого Очага стоял у старой храмовой стены, там, где Котловина упиралась в холм.

Стена была древняя, ещё с тех времён, когда Лирна помещалась на одном холме и Великий Очаг стоял на самой окраине. Теперь храм перенесли наверх, в Верхний город, а старая стена осталась. Серая, замшелая, с полуобвалившимися зубцами. И к ней, как гнездо к скале, прилепился приют. Двухэтажный, деревянный, с высоким крыльцом и широкой трубой, из которой валил дым.

Пахло хлебом.

Я остановилась у крыльца и вдохнула. Тёплый, кисловатый, домашний запах. Посреди Котловины, посреди вони, мора и сладковатого дыма с косы.

— Это у них печь, — сказала Ника. — За трапезной. Матушка Ветла сама печёт. По утрам.

Дверь открылась раньше, чем мы постучали.

На пороге стояла женщина. Маленькая, круглая, как колобок, в рыжем платке, повязанном низко на лоб, и в рыжем переднике поверх серого платья. Лицо румяное, морщинистое, с крошечными острыми глазками. Руки в муке по локоть.

Она посмотрела на Нику. На Лиси. На Гуннара. На Строга, задержавшись на серебряном глазе у него на плече. Потом на меня.

— Северная, — сказала она. Так, будто давно меня ждала.

— Да, матушка.

— Слыхала. — Она вытерла руки о передник. — Вся Котловина гудит. Дракон, говорят, прилетел, а с ним лекарка из-за Грани. И вчера у Марты-лодочницы серых прогнала. Правда?

— Правда.

Матушка Ветла смотрела на меня. Долго. Цепко. Как смотрят старые повитухи и старые очажницы. Как Марфа когда-то в Броде.

— Ну заходи, — сказала она наконец. — Раз пришла. Только этого, — она ткнула пальцем в сторону Строга, — в трапезную не пушу. Дети серых боятся.

Строг молча отступил на шаг и встал у крыльца, сложив руки за спиной.

* * *

Трапезная была длинной, низкой, тёплой. Вдоль стен стояли столы. За столами сидели дети. Много. Человек шестьдесят, от совсем крошечных, которых кормили с ложки, до долговязых подростков. Все в одинаковых серых рубахах. Все ели. Из глиняных мисок, деревянными ложками. Кашу. И хлеб.

Серый, пшеничный, с хрустящей коркой.

Я ходила между столами и смотрела. На лица. На руки. Детские руки, красные, обветренные, в цыпках. Тёплые. Я трогала. Тёплые пальцы, розовые ногти.

— Ни одного? — спросила я.

— Ни одного, — сказала матушка Ветла. — За всю зиму. Ни у детей, ни у очажниц. А мы ведь ходим. По Котловине ходим. К больным. Кормим, обмываем. Мёртвых обряжаем, когда серые не успевают.

— И не болеете.

— Пламя бережёт. — Матушка Ветла сказала это просто, без пафоса. Как говорят «дождь идёт». — Молимся много.

— Матушка, — сказала я. — А хлеб у вас откуда?

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Свой. Печём сами. Каждое утро.

— А мука?

— Своя. Храмовая. С храмовых полей за рекой. Там пшеница. Нам каждую осень привозят. Полный амбар. До нового урожая хватает.

— Пшеница, — повторила я. — Не рожь?

— Рожь не берём, — сказала матушка Ветла. — С храмовых полей пшеница идёт, на ней и живём. Пшеничный хлеб для детей полезнее. Так ещё прежняя матушка говорила.

— А те дети, что приходят обедать? Из Котловины? Как Ника?

Матушка Ветла посмотрела на Нику. Вздохнула.

— Приходят, — сказала она. — Человек двадцать. Каждый полдень. Едят тут. А родители их... — Она помолчала. — У многих родители слегли. У Ники вот мать. У Федьки с Пристаней — отец и бабка. У Марьяши — мать и двое братьев маленьких, которые ещё не ходят к нам.

— А сами дети?

— Здоровы. — Матушка Ветла нахмурилась. Впервые за весь разговор в её цепком взгляде мелькнуло что-то, похожее на тревогу. Не страх. Задумчивость. — Здоровы. Все. Я думала, Пламя их бережёт, раз они к очагу ходят.

— Может быть, — сказала я. — Может быть, и бережёт.

Я посмотрела на хлеб. На большой серый каравай, который лежал на столе перед девочкой лет семи. Девочка отломил кусок, обмакнула в кашу, сунула в рот. Жевала, глядя на меня круглыми глазами.

Пшеничный хлеб. Свой. С храмовых полей.

— Матушка, — сказала я. — Можно мне взять немного вашей муки? Одну горсть. И кусок хлеба.

Матушка Ветла посмотрела на меня долгим взглядом.

— Зачем?

— Чтобы сравнить.

— С чем?

— Пока не знаю, — сказала я честно.

Она подумала. Потом пожала круглыми плечами и пошла на кухню.

* * *

Северная слобода лежала выше по реке. У самых Северных ворот, там, где Нижний город выползал за городскую стену.

Сюда селились северяне. Плотогоны, лесорубы, охотники, кожевники из Северной марки, которые приезжали в столицу на заработки и оставались. Дома здесь были другие. Не слепленные из чего попало, а рубленые, крепкие, из толстых брёвен, с высокими крыльцами и резными наличниками. Как в Стылом Броде. Я шла по улице и чувствовала себя почти дома.

На дверях не было меловых кругов.

Ни одного.

— Ни одного, — подтвердил Гуннар. Он шёл рядом и смотрел на двери вместе со мной. — Я тут, почитай, двадцать лет живу. Слобода — моя. Никто не заболел. Ни один.

— Почему?

Гуннар пожал плечами.

— Северяне, — сказал он. — Народ крепкий.

Старшину слободы звали Хальдан. Огромный, рыжебородый, с руками, как лопаты. Бывший плотогон. Он встретил нас на крыльце своего дома, увидел Гуннара и расплылся в улыбке. Увидел меня и снял шапку.

— Миледи, — сказал он. — Леди Хальвард. Северная лекарка. В слободе знают. Брат мой с Брода писал.

— Что вы едите, Хальдан? — спросила я без предисловий.

Он моргнул.

— Едим?

— Чем вы питаетесь? Здесь, в слободе. Каждый день.

Хальдан почесал рыжую бороду.

— Ну... кашу. Овсяную. Как дома. Ячменные лепёшки. Рыбу из реки. Капусту квашеную. Мясо, когда есть.

— Хлеб?

— Хлеб? — Хальдан поморщился. — Южный-то? Ржаной? Не, миледи. Брюхо не принимает. Кислый он, южный хлеб. Тяжёлый. Мы свои лепёшки печём. Ячмень и овёс нам с Севера возят. Плотами. По весне, когда река пойдёт. Купец Кряж из Брода возит. Слыхали про такого?

Я засмеялась. Впервые за два дня. Вслух.

— Слыхала, — сказала я.

* * *

Вечером мы сидели в большом зале Северного подворья над картой.

Карту нарисовал Гуннар. Не то чтобы нарисовал: начертил углём на огромном листе толстой бумаги, который нашёлся в кладовой. Бумага пожелтела от времени и пахла мышами, но была большая. Гуннар знал Лирну. Знал каждую улицу, каждый переулок, каждый колодец. Он чертил быстро, уверенно, бормоча себе под нос названия: «Мучной ряд... Литейщики... Кривой спуск... Пристани...»

А Строг принёс списки.

Он положил их на стол молча. Толстую пачку листов, исписанных мелким, аккуратным почерком. Списки меченых домов. Магистериум вёл их с первого дня. Каждый дом, где был одержимый. Адрес. Имена. Дата.

— Магистериум ведёт учёт лучше гильдии, — сказал Строг, заметив мой взгляд. — Мы всегда записываем, кого забрали.

Я не стала отвечать. Только взяла списки.

Мы ставили крестики. Я читала адреса, Гуннар находил место на карте, Лиси ставила крестик углём. Ника сидела рядом на лавке, поджав ноги, и следила, не моргая. Иногда поправляла: «Не, это не тут. Это за углом. Там, где красильщик».

Бублик лежал на краю стола и следил за углём в руке Лиси. Иногда протягивал лапу.

Крестики покрывали карту.

Котловина вся почернела. Мучной ряд. Литейщики. Пристани. Густо, плотно, крестик на крестике.

А потом начиналась пустота.

Северная слобода — пустая. Ни одного крестика. Хотя она в Нижнем городе. Хотя у реки. Хотя там такие же бедняки, такие же тесные дома, такой же туман с реки.

Верхний город — пусто. Несколько крестиков у самых Хлебных ворот. И три в глубине, у Звёздной площади.

— Это слуги, — сказал Строг, заглянув в список. — Двое — у суконщика Мельдера. Один — у лорда Лейна.

Я замерла.

— Лорда Лейна?

— Кухарка. Заболела три недели назад. Мы её забрали.

Лорд Лейн. Отец Арианны. Обедневший, по уши в долгах. Чья кухарка, наверное, покупала самое дешёвое.

Я запомнила.

— А у суконщика Мельдера, — сказала я, — нет ли там служанки по имени Ольга? Пятнадцати лет?

Строг пробежал глазами список.

— Нет. Конюх и прачка.

Я выдохнула. Ольга, внучка зрителя Хродгара. Жива. Пока.

* * *

Приют Тёплого Очага стоял посреди черноты. Белое пятно. Островок.

Я смотрела на это пятно. Потом взяла уголь у Лиси.

— Ника, — сказала я. — Ты знаешь пекарни в Котловине?

— Все знаю, — сказала Ника гордо. — Я за хлебом с шести лет хожу.

— Покажи.

Ника слезла с лавки и подошла к карте. Встала на цыпочки. Ткнула грязным пальцем.

— Вот. Фома. На краю Мучного ряда. Самая большая. Вот тут — Косой Михей. Вот тут, у Пристаней, — вдова Клавдия. Она с сыном печёт. Вот тут, на Литейщиках, — Сенька Рябой. А вот тут, на Кривом спуске, — Лукьян. Кривой Лукьян. У него нога сухая.

Я рисовала кружки там, куда она показывала. Пять кружков.

Четыре из них стояли в самой гуще крестиков. Вокруг Фомы — чёрное пятно. Вокруг Михея. Вокруг вдовы Клавдии. Вокруг Сеньки Рябого.

А вокруг пятого кружка, на Кривом спуске, — крестиков было мало. Несколько. Россыпь.

— Ника, — сказала я. — А Кривой Лукьян откуда муку берёт?

Ника наморщила лоб.

— Не знаю. — Она подумала. — У него брат мельник. За городом. Он с брата берёт. Он всегда хвастался, что у него мука своя, не палатская. Только дороже. Медяк за четверть каравая, а у Фомы за медяк — половина. Мы у Лукьяна и не брали. Дорого.

— А остальные? Фома, Михей, Клавдия, Сенька? Где они берут?

— В Хлебной палате, — сказала Ника, не задумываясь. — Все в Хлебной палате берут. Там дешевле. Палата зимой цену сбросила. Фома говорил, зерно в житнице подмокло, вот и продают задёшево.

В зале стало тихо.

Я смотрела на карту. На чёрные пятна вокруг четырёх пекарен. На белое пятно приюта. На пустую Северную слободу. На россыпь крестиков вокруг Кривого Лукьяна.

Подмокшее зерно. Хлебная палата. Дешёвый хлеб.

«Не ешь хлеб».

— Миледи, — сказал Гуннар тихо. — Вы думаете...

— Я думаю, — сказала я медленно, — что это хлеб. Не весь хлеб. Ржаной. Дешёвый. Из Хлебной палаты.

Строг у окна не шевельнулся. Но я видела, как напряглись его плечи.

— Но почему? — спросила Лиси. — Миледи, хлеб же... хлеб — это хлеб. Его все едят. Всю жизнь. Что в нём может быть?

— Не знаю, — сказала я. — Пока не знаю.

И это была правда. Я смотрела на карту и видела: хлеб. Видела так же ясно, как тогда, в Броде, видела колодец. Но в Броде я знала, что в колодце. Невидимые твари из выгребной ямы. А здесь? Что может быть в хлебе, что сжимает сосуды так, что чернеют пальцы? Что заставляет людей видеть огонь и биться в судорогах?

Рыба шевелилась в глубине. Совсем близко. Я почти чувствовала её плавник.

* * *

— Простите. Я, кажется, не вовремя.

Голос раздался от двери. Молодой, звонкий, немного смущённый.

Мы обернулись все разом.

В дверях стоял молодой человек. Лет двадцати семи, не больше. Высокий, нескладный, в тёмно-зелёной мантии гильдии целителей, которая была ему коротковата. Светлые кудри торчали во все стороны. На носу — круглые очки в медной оправе. За спиной — потёртая кожаная сумка. Сапоги в грязи по колено.

— Кто вы? — спросил Гуннар. Рука его лежала на рукояти ножа.

— Теодор Вальм, — сказал молодой человек и поклонился. Неловко, чуть не уронив очки. — Целитель. Гильдии. То есть... младший магистр. То есть... ученик магистра Корна. То есть... — Он запнулся. Покраснел. Поправил очки. — Простите. Я пришёл поговорить с леди Хальвард. Меня впустила ваша кухарка. Она сказала, вы в зале. Я постучал. Вы не слышали.

— Я леди Хальвард, — сказала я.

Он посмотрел на меня. И его лицо вдруг изменилось. Смущение исчезло. Глаза за круглыми стёклами загорелись.

— Холодные ноги, — сказал он. — Вы видели холодные ноги?

Я выпрямилась.

— Видела.

— А пульс? На стопе? Вы проверяли пульс на стопе?

— Проверяла. Его нет.

— Его нет! — Теодор Вальм шагнул в зал, забыв про поклоны. — Его нет! А они кричат, что горят! Я писал магистру Корну. Три недели назад. Я писал, что это не жар. Что они холодные. Что кровь не доходит до пальцев. Что это не миазмы, потому что я сам две недели хожу по Пристаням и не болею, и мои ученики не болеют. Он сказал, что я молод и не понимаю. Он велел пускать кровь. Я пускал. Они умирали быстрее. — Он остановился у стола. Посмотрел на карту. На крестики. На кружки. — Что это?

— Карта, — сказала я. — Где болят. И где берут хлеб.

Теодор смотрел на карту. Долго. Молча. Очки у него запотели, и он снял их, протёр краем мантии, снова надел. Снова посмотрел.

— Хлеб, — сказал он тихо. — Светлые силы. Хлеб.

* * *

Рейнар вернулся поздно.

Я услышала стук копыт во дворе, голос Гуннара, тяжёлые шаги на лестнице. Он вошёл в зал, сбрасывая плащ на ходу. Усталый, мрачный, с тёмными кругами под глазами.

И остановился.

Над картой, склонившись так низко, что их головы почти соприкасались, стояли двое. Я и Теодор Вальм. Он что-то горячо объяснял, водя пальцем по Пристаням. Я слушала, кивала, делала пометки.

— Кто это? — спросил Рейнар.

Мы оба подняли головы.

— Тео, — сказала я. — Теодор Вальм. Целитель. Из гильдии. Он видел то же, что и я.

Теодор выпрямился, увидел Рейнара и побледнел. Потом покраснел. Потом поклонился так низко, что очки соскользнули с носа и упали на карту.

— Лорд-генерал! Простите! Я... Теодор Вальм, к вашим услугам...

Рейнар посмотрел на него. Сверху вниз. Долго. Потом на меня.

— Он стоит слишком близко, — сказал Рейнар.

— Он близорукий, — сказала я.

Пауза.

Лиси на лавке у стены зажала рот обеими руками. Ника не стала зажимать. Она прыснула, громко, на весь зал. Гуннар отвернулся к окну. Даже Строг, кажется, чуть дрогнул уголками губ.

Рейнар посмотрел на Теодора. На очки, которые тот поспешно водружал обратно на нос. На его кудри, торчащие во все стороны. На его мантию, которая была коротковата.

— Близорукий, — повторил Рейнар.

— Очень, — подтвердил Теодор несчастным голосом. — С детства. Без очков я вас вижу как... большое тёмное пятно, милорд.

— Хорошо, — сказал Рейнар. — Пусть так и остаётся.

* * *

Теодор ушёл через час. Строг ушёл с ним. Ника заснула на лавке у камина, и Бублик лёг ей на ноги, огромный и тёплый. Лиси укрыла их обоих одеялом и ушла спать.

Мы остались вдвоём.

Я сидела у камина, сняв башмаки, вытянув ноги к огню. Ноги гудели. Я весь день провела на ногах: Дом Тишины, приют, слобода, карта. Рейнар сел на пол рядом с моим креслом, прислонившись спиной к подлокотнику.

— Король подписал указ, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Какой?

Он рассказал. Про Хлебные ворота. Про стражу. Про сорок тысяч человек внизу, отрезанных от Верхнего города. Про надзор, сведённый в одни руки. Про перстень с мёртвым стеклом на мизинце у Вейлса.

— Городская стража, ворота, дрова, — перечислил он. — И Хлебная палата.

Я закрыла глаза.

— Хлебная палата, — сказала я.

— Да.

— Рейнар. Это хлеб.

Он повернул голову.

— Что?

— Мор. Это хлеб. Ржаной, дешёвый, из Хлебной палаты. Не зараза. Не дыхание. Не Грань. Хлеб. Те, кто его ест, болеют. Те, кто не ест, — нет. Приют печёт свой хлеб из пшеницы — ни одного больного. Слобода ест овёс и ячмень — ни одного. Верхний город ест белый хлеб — ни одного, кроме слуг, которые покупают дешёвое. В Доме Тишины хлеба не дают — и кто пережил первую неделю, живёт. Пекарни, которые берут муку в Хлебной палате, — вокруг них чёрные пятна. Пекарня, которая берёт муку у мельника за городом, — почти чисто.

Рейнар молчал. Долго.

— Ты уверена? — спросил он наконец.

— Нет, — сказала я. — Почти. Почти — это не уверена. Мне нужно понять, что в нём. Почему. Мне нужно посмотреть на муку. Из той самой житницы.

— Хлебная палата теперь у Вейлса, — сказал он тихо. — С сегодняшнего дня. Целиком. Мы посмотрели друг на друга.

Огонь трещал в камине. Ника посапывала на лавке. Бублик мурчал.

— Он знает? — спросила я шёпотом. — Вейлс? Он знает, что это хлеб?

— Не знаю, — сказал Рейнар. — Но если знает...

Он не договорил. Не нужно было.

Я смотрела в огонь. Мне было холодно. Не снаружи. Изнутри.

А потом почувствовала, как его ладонь легла мне на щиколотку. Тёплая, тяжёлая, шершавая. Пальцы нащупали косточку, скользнули чуть ниже. На тыльную сторону стопы.

Я замерла.

— Что ты делаешь?

— Проверяю пульс, — сказал Рейнар серьёзно, не поднимая глаз. — На стопе. Тео сказал, это важно.

— Тео сказал?

— Он много говорил. Я слушал. Целый час.

— Ты его слушал?

— Я наблюдал. — Его пальцы нашли то место. Где бьётся маленькая артерия. Замерли. — Есть, — сказал он с удовлетворением. — Бьётся. Быстро.

— Это потому что ты держишь меня за ногу, — сказала я.

Он поднял на меня глаза. И в их тёмной глубине вспыхнули золотые искры. Тёплые. Смеющиеся.

— Я знаю, — сказал он.

Его вторая ладонь легла мне на другую ступню. Он держал обе мои ноги в своих руках. Горячих, как печка. Как драконье пламя, которое не жжёт.

Я откинула голову на спинку кресла. Закрыла глаза. И подумала, что надо бы ещё раз посмотреть на списки. Что надо завтра найти пекаря. Что надо взять муку из Хлебной палаты. Что надо...

Я не додумала.

Я уснула. Посреди мысли. В кресле у камина, с ногами в ладонях дракона.

Последнее, что я помню, — его голос. Тихий, почти шёпот.

— Спи, лекарка. Хлеб подождёт до утра.

Глава 6. Чёрные рожки

Пекарь Фома пришёл к нам сам.

Мы как раз выходили из ворот Дома Тишины. Утро было серое, сырое, с реки тянуло холодом. Я провела в Доме три часа: смотрела, как Ульяна и вдовы меняют солому, как Лиси учит их поить лежачих по капле, как Тео, который явился на рассвете с полной сумкой бинтов, перевязывает чёрные ноги. Дарина спала. Ника сидела у её решётки.

А у ворот стояла телега.

Обычная деревянная телега, без лошади. Её тащил человек. Огромный, широкий, как дверь, с красным лицом и седой от муки бородой. Он впрягся в оглобли сам, как лошадь, и дотащил телегу от Мучного ряда до реки. Я видела, как у него дрожат колени.

На телеге, на соломе, укрытые тулупами, лежали трое. Женщина. Мальчик лет восьми. Девочка лет пяти. А на руках у женщины, завёрнутый в платок, плакал младенец. Тонко, жалобно, без остановки.

Человек увидел меня. Бросил оглобли. Шагнул вперёд и рухнул на колени. Прямо в грязь, у ворот Дома Тишины.

— Миледи, — прохрипел он. — Северная. Пламенем прошу. Не отдавайте их серым.

— Встаньте, — сказала я. — Как вас зовут?

— Фома. Пекарь. С Мучного ряда.

Я замерла.

Фома. Пекарь. Тот самый, вокруг пекарни которого на карте было самое большое чёрное пятно.

— Встаньте, Фома, — сказала я. — Никто их серым не отдаст.

* * *

Мы повезли их обратно, на Мучной ряд. Тащили телегу вдвоём: Фома и Гуннар. Строг шёл рядом. Молча. Ника, выскочившая за мной из ворот, бежала впереди.

Фома жил над пекарней. Двухэтажный каменный дом, крепкий, с широкими окнами. Внизу — пекарня: огромная печь, длинные столы, лари с мукой, бочки, мешки. Наверху — жильё. Три комнаты. Чисто, тепло, на подоконниках горшки с геранью.

На двери белел меловой круг с глазом.

Мы уложили всех в большой комнате у печного бока. Там было тепло. Я осмотрела их по очереди.

Жена Фомы, Луша. Лет тридцати пяти, полная, румяная когда-то, а сейчас серая, с синевой под глазами. Ступни холодные. Пальцы на левой ноге тёмные, ещё не чёрные. Пульса на стопах нет. Мурашки в руках. Неделью. Видения два дня. Судорог не было.

Мальчик, Сёмка. Восемь лет, белобрысый, худой. Холодные руки, холодные ноги. Мурашки. Ночью видел огонь в углу. Судорог не было. Пока.

Девочка, Груша. Пять лет. Холодная. Вялая. Вчера билась в судорогах. Дважды. Сейчас спала тяжёлым, мутным сном.

Младенец. Мальчик, месяца три. Плакал. Тонко, надрывно, не переставая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.